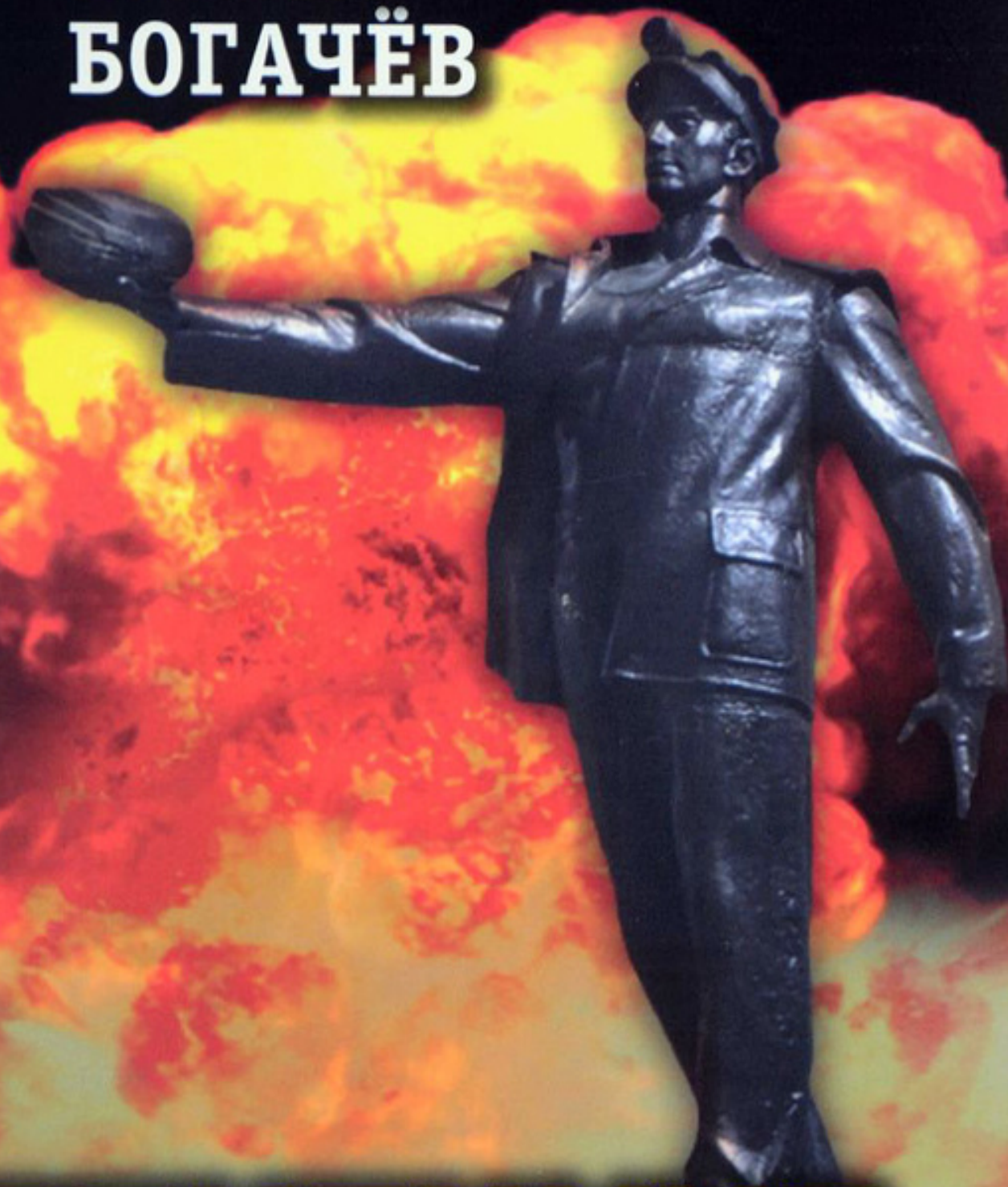

**СЕРГЕЙ
БОГАЧЁВ**

**ДОНЕЦКИЕ
ПОВЕСТИ**

Сергей Богачев
Донецкие повести (сборник)

«Алгоритм»

2017

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Богачев С. В.

Донецкие повести (сборник) / С. В. Богачев — «Алгоритм», 2017

ISBN 978-5-906914-30-9

Основу книги известного автора Сергея Богачева «Донецкие повести» составляют два произведения, объединенных одной темой, которую можно обозначить как «Украина и события последних лет». «Газовый контракт» – детективная повесть, в которой так много, казалось бы, знакомых всем фигур, «разводящих» нацию на деньги. Так, возможно, именно здесь объясняются все нюансы газовых сделок, на которых обогатились отдельные политические фигуры, претендующие на власть в стране? На этом пути их поджидал не только триумф несправедливого приобретения с помощью преступных коррупционных схем хищения газа в России и Украине, а кражи и убийства. В повести «Дорога домой» – страницы жестокой реальности войны в Донбассе. Главный герой произведений – Иван Черепанов, тележурналист из города Лугань. Каждый раз в сложной ситуации он оказывается перед выбором: бороться с коррупцией или отойти в сторону, помочь людям, рискуя жизнью, или спасти самого себя? А еще его заботит вопрос: кто виноват во всем происходящем? «При желании всё можно скрыть, но при ещё большем желании всё можно узнать – успех зависит от величины ресурса. Разведка и контрразведка жить не могут друг без друга», – уверен автор. А еще он знает: верность невозможна без предательства, выздоровление – без болезни, а демократия – без... диктатуры.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-906914-30-9

© Богачев С. В., 2017

© Алгоритм, 2017

Содержание

Газовый контракт	7
От автора	7
Глава 1. Азартные забавы для зрелых мальчиков	8
Глава 2. Неплановая беременность	19
Глава 3. Лугань – Москва – Киев – транзит	29
Глава 4. Мобилка – находка для сыщика	39
Глава 5. По законам селекции отечественного бизнеса	46
Глава 6. Правила игры без правил тоже кто-то устанавливает	53
Глава 7. Запах мышеловки	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Сергей Богачев

Донецкие повести (сборник)

© Богачев С., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Газовый контракт

От автора

Лет шесть назад совместно с известным российским мастером детектива Данилом Корецким мы задумывали и обсуждали книгу, в основе сюжета которой – хитро сконструированная транснациональная схема воровства газа, объединившая интересы чиновников и политических оппонентов, находящихся по разные стороны российско-украинской границы и на разных этапах власти. Данил Аркадьевич познакомился с моими набросками, дал интересные советы. В дальнейшем от совместного написания мы отказались.

Тогда я рискнул воплотить идею самостоятельно, и в 2007 году издал повесть «Переплёт». Пятитысячный тираж разлетелся мгновенно, а недавно появилось второе издание. Главный герой – тележурналист и хозяин телекомпании Иван Черепанов и основное место действия – украинский город Лугань так полюбили читателю, что продолжили существование в моих следующих детективах «Переход», «Мизер с тузами» и «Ударная волна». Любопытно, что и Данил Корецкий тоже использовал эти мои наброски в своем романе «Когда взорвется газ?», вышедшем в свет в 2010 году, где также фигурируют и Черепяхин (так мы поначалу планировали назвать нашего общего героя), и Лугань.

Надеюсь, выносимая сегодня на суд читателя новая версия задуманного тогда романа, жившая во мне все эти годы, не разочарует. Признаться, я и сам с интересом наблюдал, как поведут себя герои в ситуациях, ставших порождением парадоксов и гримас нашего времени. Так получилось, что в этой книге продолжили свою жизнь многие персонажи «Мизера с тузами». Поэтому роман «Газовый контракт» можно считать его продолжением. В «Газовом контракте» много любви, коварства и предательства. И, как в предыдущих произведениях, есть своя философская подоплёка. Двойственность, которая присутствует в каждом нашем жизненном шаге, но которую мы часто не замечаем...

Друзья, получившие на прочтение эту рукопись, единодушно заявили, что взгляд законченных холостяков на представительниц противоположного пола слишком критичен и субъективен, и многих женщин может оттолкнуть. Некоторые из них предостерегли, что писать о газе, России, Украине, криминале и выборах для чиновника очень рискованно: «А вдруг кто-то подумает, что ты во всём этом замешан?». На самом деле никого обидеть не хотелось. Но всё же я решил ничего не изменять. Да я и не претендую на объективность – просто излагаю несколько новое и для самого себя видение взаимоотношений мужчин и женщин. Разумеется, с мужской точки зрения.

Все герои и события являются вымышленными, а какие-либо совпадения с реалиями – не более чем совпадения.

Глава 1. Азартные забавы для зрелых мальчиков

Черепанов и сам не заметил, как после сорока начали меняться его жизненные ориентиры. Здоровый цинизм незаметно уступил место подзабытой сентиментальности. Это, впрочем, не касалось его отношения к делам и работе – здесь Иван по-прежнему оставался жёстким, прагматичным и успешным руководителем. А в личной жизни – каким-то шестым чувством он понимал, что доброта и душевность делают его более уязвимым, но, когда тебе перевалило за полтинник, можно, наконец, позволить себе жить так, как хочется, и быть таким, как хочется.

Он как бы снова возвращался к юношеской романтичности, испепелённой в своё время жёсткими реалиями бытия. В последние годы своей полухолостяцкой жизни ему удалось найти некий баланс в отношениях с противоположным полом. Когда хотелось побыть одному, можно было побыть одному; когда хотелось, чтобы рядом находилось тёплое, ласковое и заботливое женское существо, тоже не было проблем. При этом Иван научился на ранней стадии идентифицировать проблемных особей и избегать их. Лёгкий флирт без душевного стриптиза и каких-либо обязательств обеспечивал выход эмоций и позволял избегать душевных ран, страданий и прочих негативных симптомов болячки по имени Любовь. Черепанов же о женской жестокости знал не понаслышке. Тернистыми дорогами от неземной любви до жесточайшей ненависти прошли многие его друзья.

В современном обществе идеалистам явно жилось трудновато. Несмотря на возрастающие с каждым годом толпы граждан, приходящих на Пасху в храмы совершить обряд освящения куличей, яиц, а вместе с ними выпивки и закуски, праздник для очень многих из них сводился к массовой попойке и обжорству. В большинстве своём люди перестали верить в Бога и с лёгкостью готовы были оправдывать любые свои поступки, основанные на алчности, жестокости, а отнюдь не любви к ближнему. Каждый – сам за себя и поступает исключительно так, как ему выгодней. Не интеллект и не культура, а беспринципность и наглость как на дорогах, так и в жизни почему-то стали в нашем обществе символом успешности, а не дурного воспитания.

Когда-то, в период бурной свободной жизни после развода, у Черепанова случился банальный курортный романчик. Перед отъездом барышня призналась, что она замужем, у неё есть ребёнок, но отношения с мужем не клеятся.

– Представляешь, кроме дурацких машин и работы, его почти ничто не интересует. В театр он меня водит редко, цветы дарит только к 8 Марта да на день рождения, стихов никогда не читает, а подарки – ну разве шубу купит раз в пятилетку.

– И, конечно, он тебя не понимает, твои проблемы его не интересуют? – у Ивана начала проявляться мужская солидарность.

– Вот именно, не то, что ты, Ванечка, такой умный, такой... ты мне так подходишь, – барышня явно не заметила иронии.

Черепанов, которому от этой дуры с романтическим налетом ничего уже не было нужно, а тем более её проблем и продолжения истории, грозившего осложнениями, решил убить двух зайцев сразу. Поссориться, разрушить иллюзию о своей положительности и сказать побольше обидных, хотя и справедливых нравоучительных слов, после которых она уже вряд ли будет к нему липнуть.

– Понимаешь разницу между спринтом и марафоном? Марафонца можно обвинить в том, что он бежит свою длинную дистанцию слишком медленно – в несколько раз медленнее, чем спринтер стометровку. Только марафонец в таком темпе и километра не выдержит – издохнет. Короче, объясню более понятным для тебя языком. Твой муж – нормальный мужик, который заботится о доме и семье. Ему просто некогда разобраться в ситуации и набить физиономию тебе, ну и мне тоже. А ты – романтическая избалованная идиотка, вообразившая невесть что. Да была б ты моей женой, – при одной этой мысли Черепанова одолел ужас, – я разбил бы

у тебя, неряхи, на голове немытую с вечера посуду и заставил бы сжевать вот этот брошенный в цветочный вазон окурок. Посмотри на себя в зеркало: тебе не шампанское пить, а на диете сидеть нужно. И духами от тебя несёт, и красишься ты безвкусно...

– Псих ненормальный, а я-то думала... поверила, дура, – с дрожащим подбородком, разрываемая гневом и обидой, девица выбежала из номера.

Иван остался крайне доволен таким исходом приключения, но выводы сделал.

Впрочем, не все же такие. Он вспомнил, как включил весь свой арсенал для завоевания понравившейся ему на семинаре аспирантки, а та его откровенно отшила: «Я же вам сказала внятно: я за-му-жем».

– И можно подумать, мужу никогда не изменяете?

– Я себе не изменяю, это понятно?

Такой красивый ответ Черепанова тогда очень впечатлил. Вот это да! Вот она, барышня, достойная уважения. Он потом многим цитировал эту фразу. И не факт, что никто из знакомых девушек не взял её на вооружение. Но это только фраза. И соответствует она только моменту, в который произносится. Тебе нравится такой образ – почему бы его для тебя не сыграть?

Мужчины легко верят то, во что им хочется верить. Ожидая предложения, барышня говорит жениху желанные слова: «Я в принципе не способна на предательство и измену». А он расвесил уши и распустил слюни – мечтал о такой всю жизнь, уж она-то нож в спину не воткнет. Не факт, что через несколько лет не только не воткнет, но и провернет, чтобы больней было, ещё и оправдание придумает: мол, не понимал, стихов не читал. Впрочем, мы, мужики, куда похлеще будем, если честно на себя в зеркало посмотреть. Иван вспомнил, как прошёл мимо нескольких совершенно замечательных девушек, с которыми его сводила судьба, – просто использовал их чувства, не оценив по достоинству. Видимо, не дозрел на тот момент до этого внутренне. Тогда их душевные качества, искреннее тёплое и заботливое отношение к нему на фоне его мужской самоуверенности не входили в приоритетную шкалу оценки и не воспринимались как нечто главное.

С другой стороны, мы часто идеализируем неиспользованные возможности. А как бы оно повернулось в жизни – кто знает? Так устроен мир. Многие возможности даются нам, когда мы не умеем их оценить и воспользоваться ими. А когда они закрываются, понимаем, что потеряли, но уже поздно. «Несвоевременность – главная драма», – гениальная формулировка автора и певца Талькова как нельзя лучше подходила к этим жизненным наблюдениям.

Черепанов не хотел себе признаваться в том, что эти его размышления были связаны с досадой на Ольгу, сначала поманившую его на огонёк, а потом, когда он стал относиться к ней так, как не относился в последнее время ни к одной мечтавшей об этом женщине... Впрочем, ну её. Размышления Ивана прервал звонок из столицы. Интуиция подсказывала, что сейчас ему могут сделать предложение, которое уже обсуждалось, – возглавить окружной предвыборный штаб. Полгода напряга, рисков, нервов, недосыпания, но, если правильно сыграть эту партию, откроются совершенно новые возможности.

Он уже собирался ответить, как вдруг стало темно: кто-то закрыл ему глаза маленькими тёплыми ладонями. Несмотря на неожиданность, Иван даже не вздрогнул. Собственно, он ничего не успел ни сказать, ни понять. Через секунду они уже целовались с Ольгой посередине двора, как школьники.

А телефон продолжал жужжать настойчиво-раздражённо. Звонивший явно не привык, чтобы ему так долго не отвечали.

* * *

Нестерпимая жара степной Украины всегда в одно и то же время года наваливалась на город, со всей своей жестокостью выжигая газоны, опаливая листья кленов и каштанов, заставляя

людей уходить либо в тень кабинетов, либо в отпуск. Ещё недавно буявший молодой, свежей зеленью город превратился в место пыток для тех, кто не осчастливил себя поездкой на курорт либо в лес. Разве что торговцы мороженым, пивом и прохладительными напитками хоть и потели и страдали не меньше других, по-своему любили эту пору года: солидная денежная компенсация в виде возросших в несколько раз доходов их вполне устраивала.

Среди прочих страдальцев, вынужденных в жарком июне жить перебежками от кондиционера к кондиционеру, Семён Григорьевич Портной чувствовал себя особенно ущербным. Не тот уже возраст, статус, привычки. Тучноватый организм талантливого финансиста не прощал хозяину такой фамильярности, как преодоление лестницы на седьмой этаж без лифта. А к бизнесу на прохладительных напитках Портной, увы, никакого отношения не имел.

Семён Григорьевич, проклиная руки монтажера, повесившего на лифте табличку «Не работает», преодолевая отдышку и чертыхаясь, налег всем телом на дверь, расположенную под надписью «Телекомпания Зенит», и ввалился в коридор, наполненный прохладой кондиционируемого воздуха.

«Неужели нельзя было разместиться где-либо пониже? Что, без вида на крыши старого города к этим самовлюблённым гениям вдохновение не приходит?» – привычка брюзжать, разговаривая с самим собой, позволяла Семёну Портному как вовремя выпускать пар, так и скрывать от окружающих свои истинные мысли, оставаясь при этом внешне обаятельным и приятным человеком.

Давным-давно он вывел для себя формулу поведения на людях и неуклонно её соблюдал: не следует нагружать своими проблемами окружающих. Как минимум, они выслушают тебя, и ты останешься в их памяти как обиженный людьми либо обстоятельствами человек, а при случае они скорее всего ещё и приложат руку к усугублению твоей проблемы. Его покойная мудрая мама, как и любая другая любящая еврейская мама, учила с детства: «Сёма, не создавай людям проблемы, ты всё равно не нужен никому, кроме мамы».

– Вы к кому? – седой охранник лет шестидесяти прервал мысли Портного, устремив на него взгляд, полный решимости оберегать неприступность вверенных ему границ.

– Боже мой, вы меня не знаете... Вы новенький? И шо я сейчас должен говорить? – Семён Григорьевич никогда не стеснялся своего одесского происхождения, чем иных своих собеседников откровенно развлекал, но некоторых вводил в ступор. В мире людей, произносящих «г» настолько мягко, что, казалось бы, уже дальше некуда, Портному удавалось делать это еще мягче. И это его, с одесским привкусом, «шоканье» доставило Семёну Григорьевичу в своё время много неприятностей. Но он и не думал никогда подражать дикторам телевидения или партийным боссам, боровшимся за культуру речи и на трибуне, и за столом. Семён всегда считал деньги – это была его профессия, и он знал её отменно, зачем ему дикция?

Ещё на заре кооперативного движения, когда стало «всё можно», у многих наших соотечественников от свалившихся на них возможностей и капиталов закружились головы. Однако вскоре выяснилось, что шальные деньги уходят так же быстро, как и появляются.

Умение не спускать на радостях первые заработанные капиталы, не афишировать яркой жизнью их количество спасло Семёна от встреч с «быковатыми» парнями в спортивных костюмах, от пристального внимания разного рода «ищущих спонсоров» организаций – общественных и не очень. Но скрыть своё умение обращаться с капиталами, талант финансиста он всё же не смог. Конечно, его первый кооператив показался бы сейчас любому из сограждан мелкотой базарной – пояса, сумки, кожгалантерея, а тогда это был удел людей рискованных и талантливых. Довольно скоро Семён, имевший бухгалтерский диплом Института советской торговли, нашел практическое применение своим знаниям. Сумочки да пояски – тема вечная, но имеющая свой предел, а вот сами деньги как товар – здесь поле непаханое. И ведь мало кто задумывался, что деньги – они тоже имеют свою цену, и их цена – это время. Его первым финансовым учреждением стал ломбард.

Несчастные старушки, приносившие фамильное золото; игроки, оставлявшие увесистые золотые цепи и «печатки» для расчёта с победителем ночных игр в карты или рулетку; мелкие прохиндеи специфичной наружности, сдававшие почему-то исключительно женские цепочки и кольца; милиционеры, часто ловившие этих прохиндеев на выходе и возвращавшие их назад уже с понатыми, – вся эта публика жила рядом с ним, в одном городе. Но они жили по одним правилам, а Портной – по другим. Семёну не доставляло радости зарабатывание денег на несчастьях других, он даже корил себя за это, мол, ростовщичество никогда не было в почёте. История знала много случаев, когда разъяренная толпа громила ростовщиков, а если учесть его национальные корни, то были все шансы попасть под каток истории, если бы он повернул в сторону местности, где обитал Портной, так что Семён все чаще задумывался, как жить дальше.

В один из прекрасных с точки зрения его карьеры дней он попал в компанию на преферанс, куда его пригласил старый знакомый Ваня Черепанов.

Семён до тех пор никогда не считал его серьёзным человеком: как можно зарабатывать себе на прокорм писаниной, – это же так нестабильно. Известно, что муза крайне непостоянная барышня. Где она обитает – никто не знает, чем питается – никто не видел, и поэтому неизвестно, чем её приманивать. Поговаривают, что приходит она в головы писак, а особенно поэтов, под воздействием алкоголя или какой-нибудь ещё гадости, – как же можно ей доверять своё будущее и свою печень? Кому ты будешь нужен потом с желтым лицом и пачкой таблеток? А если в поисках сюжета ещё и неприятностей на свою задницу сыщешь? Рискованно. Конечно, как обычно, эти свои рассуждения Семён сложил в карман и никому не показывал, посему пуля была расписана в атмосфере дружеского ржания, подколок, на какие имели право только очень давние и хорошие знакомые, а также в сопровождении небольшого количества хорошего коньяка.

На выходе из подвальчика, служившего конторой некоему «ООО», хозяин которого гостеприимно принял своих товарищей по преферансу, Семён закурил и с некоторым удивлением пронаблюдал, как Иван нажал на брелок сигнализации, и зажглись фонарики очень модного на то время автомобиля «паджеро». Небольшой трёхдверный джип синего цвета тогда мог вполне идентифицировать своего владельца как успешного и уверенного в себе человека. Стало быть, таким и стал его старый знакомый Ваня Черепанов.

– Ого, публика ликует, эффектный выход, Ваня! Ты хоть не разбоем промышляешь? – Семён расплылся в улыбке.

– Промышляю всё тем же: интересуюсь событиями, происшествиями, обстоятельствами, потом их слегка поджариваю на своей редакционной кухне, и на выходе имеем аппетитное блюдо, готовое к продаже. Никакого криминала, всё больше о криминале.

– Я не перестаю удивляться! Такое продаётся, наверное, дорого, раз ты в своей машине сидишь на той же высоте, что и водитель троллейбуса.

– Ты знаешь, Сёма, если честно, то не очень-то и дорого, – больше удовольствия, чем денег.

– Ну, не ставь меня в тупик своими штучками, ты ведь и не разбойник, и не Бармалей, откуда в наши дни такое счастье? – Семёну всё не давал покоя вопрос внезапно возникшего материального благополучия товарища. – Колись, дружище, я тебя два года не видел, и ты меня весьма порадовал: хоть у кого-то дела в гору пошли.

– Сёма, ты, как обычно, чрезвычайно любопытен, а о себе – ни слова. Прямо как настоящий партизан. Садись, дружище, подвезу, ты всё там же, на бульваре?

– Та да, пора бы уже и переехать поближе к центру...

Двери дорогой машины издали два специфичных «японских» хлопка (именно за такой звук открывания-закрывания дверей их так любили), и экипаж тронулся.

– Слышал о твоих заведениях, Сёма, слышал... Не надоело ещё обирать заблудших земляков?

– А у меня мёдом не намазано – не прилипнешь, есть временные трудности – приходи, поможем, чем можем, всё по-честному. Курочка – по зёрнышку.

– Всегда восхищался вашей диаспорой. Фамилия у тебя трудовая – Портной, настоящий еврейский ремесленник, работаешь на деньгах – тоже по профилю, а ведёшь себя, как секретный физик-ядерщик, – полный набор лучших качеств банкира.

– Ну, что вы, друг мой, я скромный ростовщик и звёзд с неба не хватаю, не трогайте меня, и я не трону вас, нам чужого не надо.

– Ты когда-нибудь задумывался, почему тебя судьба выкатила на этот путь?

– Я тебя умоляю, Ваня, это разговор о вечном, ты же умный, историю нашего народа знаешь.

– Так и я об этом: в старушке Европе что ни банк – его хозяин твой земляк.

– Я не понял: это комплимент или наезд?

– Сёма, это предложение.

– Сейчас мне, Портному, кацап Черепанов будет делать предложение. Не смешите меня, я не барышня, и замуж мне не нужно, – Семён искренне рассмеялся.

– В нашем любимом с тобой городе готовится к открытию одно весьма солидное финансовое учреждение. Гораздо мощнее, системнее и богаче, чем все имеющиеся на сегодняшний день. Корни иностранные, так что недостатка в оборотном капитале не будет. Они ищут заместителя директора по филиалу. Фактически это директор со всеми полномочиями и ответственностью.

– И что, доля малая будет?

– Ты не исправим, Сёма, так же, как и талантлив в своём деле. Сходи поговори, там видно будет, это же совершенно другой уровень!

– Так-то оно так, но сейчас я сам себе хозяин и никому не должен, а там – попадаешь в полное и безоговорочное рабство.

– Дурак ты, ваше благородие. На нынешних условиях тебе удастся поработать до тех пор, пока тебе позволят. Только перейдешь на уровень выше – появятся ненужные компаньоны, и ещё вопрос, больше ли ты будешь зарабатывать, но проблем и хлопот однозначно добавится.

– Типун тебе на язык!

– Говорю тебе, Семён, иди разговаривай, – Черепанов уже подъехал к нужному подъезду и, вырвав лист из блокнота, написал номер телефона. – Потом благодарить будешь, была б у меня твоя башка, долго бы не выделялся. Сошлётся на меня – они просили человека порекомендовать.

– Так ты, дружище, не только журналист, ты ещё и кадровое агентство! – Семён дружески похлопал Ивана по плечу.

– Не преувеличивай, так, консультациями подрабатываю в определённых кругах.

Так с лёгкой руки Черепанова Семён Портной стал банкиром и с этого пути уже не сворачивал.

* * *

– Скажите Ивану Сергеевичу, что к нему Портной пришёл.

Седой охранник взялся за трубку и пробурчал:

– Что-то вы на портного не очень-то и похожи...

– Если бы вы знали, уважаемый боец невидимого фронта, сколько раз за свою содержательную жизнь мне приходилось слышать эту шутку! Портной – это моя фамилия.

Сконфуженный охранник доложил о приходе гостя и, нажав кнопку, отпустил секцию вертушки. А Портной вдруг сделал для себя любопытное наблюдение. Если раньше в отдельных учреждениях и случались вахтёры – бабушки-пенсионерки в синих халатах или женщины,

которых устраивала небольшая зарплата в обмен на свободное время для ведения домашних дел, в избытке гарантированное графиком дежурств сутки – через двое, – в целом по стране их было мало. А теперь что ни конторка – то охранник. Тысячи людей, которые ничего не производят, но которых становится всё больше в небогатой нашей стране. Охранники и заборы – вот и всё, что у нас размножается. Какая-то нездоровая тенденция, с точки зрения банальной логики. И куда мы катимся? Впрочем, чему удивляться, мир не совершенен...

Узкий коридор телекомпании был увешан фотографиями в одинаковых рамках. Почётные гости прямых эфиров авторской программы Ивана – звёзды, политики, депутаты, знаменитые спортсмены и заезжие знаменитости от эстрады – их фото висели по обе стороны коридора, как медали, и свидетельствовали о рейтинге телеканала.

«Ну, это, конечно, не НТВ – там коридор пошире будет, но трофеев за последний год Иван наш добавил прилично», – Семён Григорьевич оценивающе оглядывался по сторонам. За каждой из дверей создавался продукт, значение которого он никогда не мог отчетливо понять. Почему телевидение имеет такое сильное влияние на умы людей? Включаешь один канал – в стране всё плохо. Переключаешь на другой – всё хорошо. И большая часть народа смотрит не то, что есть на самом деле, а то, что хочет увидеть. Лишь профессиональные политики, их помощники и вся журналистская братия цинично наблюдают за своими конкурентами, как за игроками. Такое себе поле боя, на котором каждый манёвр оппонента можно предугадать, опираясь на ненароком брошенную фразу или ошибку в прямом эфире.

Полководцы за редакторскими пультами делают невозможное, выворачивая наизнанку, казалось бы, самое заурядное событие. И ещё вот эта манера озадачивать зрителя, слушателя, но чаще всего читателя своим умозаключением, заканчивающимся знаком вопроса. Мы как бы и не в курсе событий на все сто процентов, но оцени, наш зритель: «Губернатор не вернётся из отпуска?» А губернатор пошёл в отпуск в этом году не в том месяце, когда все привыкли, и что? Его там паровоз переедет? Но заинтригованный потребитель информации обязательно досмотрит сюжет до конца либо откроет нужную страничку на сайте и прочтет, что, возможно, по мнению засекреченного источника в некоторых узких кругах, при определённом стечении обстоятельств и звёзд губернатор пойдёт на повышение в столицу, – а это не интересно ни для домохозяек, ни для их семей. Где мы и где они? Расскажите лучше, как нам здесь жить, а за «там» мы и так знаем. Слухи материализуются под интригующими заголовками, привлекая, нужно сказать, падкого на сенсации зрителя. Эдакая себе полуправда, облачённая в защитную оболочку вопроса, – мы же спрашивали, но никак не утверждали... И что, если не сбылось? Вы же не подадите на нас в суд – это было всего лишь предположение. Мы ведь тебе угодили, ты же проглотил это, наш потребитель информации?

Конечно, журналист в наши дни – это воин. Нынче уже не осталось нейтральных стран и, соответственно, армий на карте журналистики. Ты обязан примкнуть к какому-либо лагерю, иначе ты не продашь себя и свою добытую с таким трудом информацию. Дальше – все способы хороши, только дай яркий сюжет. Любая трагедия – будь то на транспорте или на производстве, любая человеческая беда превращается в смакование подробностей под соусом «А накажут ли виновных?» «Мы будем следить за развитием сюжета, мы не оставим этого просто так...» И сталкиваются на информационных пространствах грантоеды и просто отработывающие свой хлеб журналисты, и остаются после этой битвы погубленные карьеры политиков – людей, которые думали, что они общественно значимы. Под прессом общественного мнения падали диктатуры, а вы тут претендуете на сохранность тайны частной жизни. Наивные!

Быть популярным журналистом – это значит быть в обойме. Ты как звезда эстрады: пропал с экрана – и тебя забыли, на фоне бесчисленного количества дикторов центральных и периферийных каналов запоминаются только лица единиц. Быть в обойме – значит быть готовым разрядить эту обойму в любой момент. Вот только вопрос, в какую сторону, где свои, а где чужие? И такие ли уж они чужие?

Сколько людей за последние четыре года категорически отказались смотреть новости? Да чего там, и я в их числе. Иногда просто тошнит от врывающихся в твою квартиру и портящих аппетит наглых типов с голубого экрана. Торжествующий поток грязи в адрес победённых – теперь мы на троне, страна наша, а вы там у себя сидите тихонько и не всплывайте, это наша эра. А через некоторое время – мизерное по меркам истории – ветер предпочтений избирателей изменился, но всё равно к новостям осталось отвращение. Особенно на некоторых центральных каналах. Да, теперь флаги в новостях изменили свой цвет, но, как в анекдоте: «Ложечку уже нашли, но осадок всё-таки остался».

Поток раздумий Семёна Григорьевича прервал бархатный голос черноволосой красавицы секретарши: «Пройдите, пожалуйста, Иван Сергеевич просит прощения, у него был важный разговор».

«Да, Черепанов всегда умел окружать себя красотой», – Портной взглядом зацепился за крутой изгиб на юбке девушки и усилием воли переключил себя на деловую волну.

Сквозь открывшуюся дверь кабинета директора телекомпании «Зенит» пахло хорошим кофе.

– Дорогой, здравствуй! – хозяин кабинета прошёл навстречу гостю и по-дружески его обнял.

Вся обстановка этого помещения говорила о том, что Иван проводит здесь большую часть жизни. Окрашенные в пастельные тона, не раздражающие зрение стены, тяжёлая, основательная мебель, выполненная совершенно точно из цельного дерева, немного живой зелени на полу в углу – вроде как у всех, но вместе с тем и не так. На столе нет растиражированного сувенирного ширпотреба. Подарочным глобусам, песочным часам и корабликам с позолоченными парусами здесь не место – здесь хозяин работает. Аккуратно разобранные по стопкам документы, шкафы, наполненные не типовыми сегрегаторами из ближайшей канцелярии, а книгами, в том числе написанными и самим Черепановым. Напротив стола на стене большая плазма, хитроумно показывающая сразу несколько каналов, но без звука. Небольшой ноутбук на столе предусмотрительно был повернут так, чтобы с гостевого места невозможно было увидеть его экран. Несколько грамот и благодарностей в углу слева. Какие-то статуэтки на полке, расположенной рядом. Возможно, на знающего человека это произведет впечатление, но таблички подписаны слишком мелко, а Семён Григорьевич пока достанет свою оптику, пока по привычке протрёт линзы...

– Я тебя давненько не навещал, тут всё так изменилось. Шикарно развиваешься, Иван!

– Так мы растём вместе со страной!

– Ваня, когда ты перестанешь пить из меня кровь стаканами? Какая страна, ты же знаешь, я не на исторической родине только из-за того, что ты меня в своё время познакомил здесь с уважаемыми людьми, дай Бог им и тебе здоровья.

– Ну вот, начал брюзжать, кошелёк старый! Кофе будешь или ты опять сердце лечишь?

– Буду, конечно, хоть какая-то с тебя живая выгода, да и не так часто в наши дни в конторах подают хороший кофе. Ты, как я погляжу, сам наливаешь? И что с того, что кошелёк старый? В него больше купюр влезет – я проверял.

– Ладно тебе, – Иван подошёл к кофеварке и стал заваривать ароматный напиток. Затем поставил перед Семёном кофе и пододвинул пепельницу.

– Давай уже свои модные сигареты, к тебе как попадёшь – одни убытки для здоровья и доход для аптек.

Иван Сергеевич присел напротив гостя и интригующе улыбнулся.

– Не надо так на меня смотреть, я не сливки, а ты не кот – я всё знаю. Опять мне с тобой полгода жизни потерять. Как выборы, так ты без меня не можешь.

– Сёма, кому ж я ещё могу доверить финансы избирательной кампании? Я тебе верю, как самому себе.

Черепанов окинул Портного пристальным взглядом и отметил, что его давний товарищ за последний год почти не изменился. Полнота, в молодости казавшаяся угрожающей, в последние годы не росла, зафиксировавшись на одном уровне. Да и Портной к ней, похоже, замечательно приспособился и вполне энергично управлялся с телом хорошо откормленного и подвижного поросёнка. Почти не изменившиеся со времён юности густые каштановые кучери, увлажнённые струйками пота, не позволяли зачислить Сёму в старики, а большие очки на фоне почти постоянной, пусть и хитровой улыбки и бесконечной иронии производили впечатление интеллигентного добряка. Да и голубые глаза как-то подсвечивали немного неуклюжую, чем-то напоминающую смесь пингвина со школьным аппетитным пончиком фигуру Портного.

– Можно подумать, у меня есть выбор, – Портной, конечно, для вида сделал умное лицо, но в душе ему было приятно. В стране, где через каждые два года проходят выборы, уже давно сформировалась каста профессионалов, знающих своё дело в этом вопросе. И неизменно Портной был казначеем, а Иван – руководителем окружного штаба.

– В этот раз финансирование будет не таким щедрым, как раньше, но должно хватить. Один округ – один миллион «американцев». Размах, конечно, уже не тот. Но и тактику мы изменим.

– Это тоже деньги, и по сегодняшним меркам неплохие. Ничего, подзатыните пояски немного, – Семён потягивал кофе из маленькой чашки, глядя при этом куда-то в сторону. – Куда их пришлют?

– Их не пришлют, их привезут. В этот раз наличными. В красивом таком чемоданчике.

– В смысле?

– В связи с новыми веяниями часть средств будет идти «по-белому», а основная сумма, как в старые добрые времена, – «чёрным налом». Но ты не переживай – всё на всех уровнях согласовано и прикрыто.

– И зачем нам эта головная боль?

– Дарёному коню, Семён, в зубы не смотрят. Такое принято решение. У тебя же в банке имеется хранилище? Положишь денежки в ячейку и будешь нам оттуда порционно выдавать и, как обычно, вести учёт. По понедельникам в штабе у тебя будет происходить приём отчётности и выдача средств на следующую неделю. Всё как раньше.

– Ты же знаешь, как я не люблю отвечать за наличные. Вечно переживаю, как они там, в сейфе. То ли дело – безнал. Он как-то цивилизованнее, защищённее.

– Сёма, ты уже ничего не изменишь своим брюзжанием, не рви сердце. Деньги привезут в конце недели, так что готовься, – Иван снял пиджак и повесил на спинку высокого кожаного кресла. – Кампания в этот раз будет не менее интересной, чем раньше, правила намного жёстче, времени на раскачку совершенно нет, так что, друг мой, будем считать, что мы с тобой уже приступили. Подвигай кресло, я набросал ориентировочные статьи расходов, посоветуемся.

Следующие два часа были потрачены на детальное рассмотрение предстоящих проплат и согласование плана действий.

* * *

– Семён Григорьевич, кондиционер не слишком дует? – водитель Антон Царьков работал с ним уже шестой год и привычки своего шефа знал досконально. Спросил скорее так, из уважения, ниже двадцати шести градусов температура в салоне была недопустима: его шеф летом страдал от хронического насморка – неизменного спутника кондиционированного воздуха в доме, на работе и в автомобиле, но это было всё же меньшим злом, чем сердечное недомогание из-за жары.

– Всё нормально, на работу, – Портной достал из кармана телефон и набрал помощницу Лилию. – Проверь, свободна ли наша служебная ячейка в депозитарии, в пятницу придёт крупная сумма, нужно место.

Трубка лаконично доложила, что поручение принято к исполнению, и Портной принялся делать пометки в своём еженедельнике.

Семён Григорьевич первые годы работы в банке свято чтит писанные и неписанные правила и не позволял себе никаких шашней с подчинёнными, хотя контингент барышень здесь подобрался не хуже, чем в модельном агентстве. Тот же Ваня Черепанов вечно шутил, мол, на такую работу нужно в слюнявчике ходить. Да уж, в этом цветнике любой ценитель женского пола слюной бы изошёл.

Девушки ходили на работу, как на кастинг. Правило избегать излишне вызывающего макияжа и одежды предполагало наличие вкуса. Поэтому негласная, но крайне ожесточённая конкуренция уходила в плоскость совершенствования стиля, одежды, манер, речи, постоянного ухода за телом и фигурой.

Рациональные мозги Портного никак не могли дать простое логическое объяснение тому факту, что девушка тратит почти всю свою зарплату на внешние атрибуты ради того, чтобы покрасоваться на работе, утереть нос подругам и получить очередную зарплату, которую вновь целиком принести в жертву украшению себя для любимого банка. При этом большая часть барышень, состоящая на реальном содержании родителей, мужей и спонсоров, свято верили и заставляли верить своих близких в то, что благодаря каким-то их особым личным талантам они попали в особую касту банковских служащих. За ними в неравных условиях вынуждены были тянуться из последних сил и девушки с более скромными финансовыми возможностями.

В студенческие годы Семён получил в общежитии обширный опыт общения с противоположным полом. Женщины считали его хорошим любовником. Тонкости постельных отношений он действительно освоил досконально. А главное, устраивал всех тем, что не говорил неприятных вещей и ничего не требовал. Это создавало иллюзию, что такова и есть его сущность. На самом деле Портной просто не развивал дальнейших отношений, иначе, безусловно, вылезли бы скандалы, обиды, требования, ограничения, враньё и разоблачения – весь тот замечательный набор ингредиентов для «борща», который ежедневно покорно хлебали его друзья, ударившиеся в затяжные романы, женитьбы и прочие опасные игры с женщинами. Портной, являясь в душе приверженцем традиций и семьи, вступление на этот путь всё время откладывал.

Он честно отдавал себе отчёт в том, что не является человеком нежадным и бескорыстным. И увеличение заработков было приятно для него прежде всего тем, что открывало всё новые возможности для нового увеличения возможностей зарабатывать, но при этом поглощало практически всё время и силы, которых год от году не прибавлялось. Хотя в постели с женщинами он по-прежнему чувствовал себя уверенно, решиться на какие-либо изменения у него уже не было духу. Дом успешно вела домработница, научившаяся безупречно разбираться в его предпочтениях и привычках.

Семён Григорьевич любил делать то, что умел, и то, что у него хорошо получалось. Что за удовольствие сесть играть в карты против бригады шулеров, если заранее известно, что они тебя «разуют»? Или выйти на ринг против профессионального боксера? По голове получить и лечиться потом – зачем?

Красиво нарисоваться на свидании – это одно, а жить бок о бок с другим человеком – совсем другое. Возможно, сыграло свою роль и то, что отец Портного умер очень рано, – его воспитывала мать, и постигать премудрости семейной жизни – быт, взаимные требования, личные привычки, увлечения, вкусовые пристрастия, наконец, – изнутри он не мог.

Сёма хорошо помнил приключившуюся с ним историю, когда одна весьма активная барышня затащила его на горнолыжный курорт. И зачем он согласился? Лыжи его никогда

не прельщали. Корячиться, чтобы натянуть эти неудобные ботинки, страдать на занятиях с инструктором, обнаруживать свою бездарность к этому спорту, а после ходить враскорячку, следить за тем, чтобы не сломать при падении руку или ногу? В конце поездки Сёма обнаружил, что в спутнице его раздражает каждая мелочь – дурацкая болтовня, грубоватый смех, неряшливо разбросанные вещи. Впрочем, и его терпеливость, умничанье, педантичность и небритые подмышки вскоре тоже вызвали у любительницы горных лыж тихую ненависть.

Поэтому Портной, как улитка, научился прятаться в своём домике. Конечно, по житейским канонам ему давно уже следовало обзавестись детьми. Портной не то чтобы поставил на этом крест, но и усилий для решения вопроса не прилагал никаких – будет как будет. А отеческую заботу перенёс на племянников – сыновей своей сестры Софы. Для них, воспитывающихся без отца, он был больше чем дядя.

Очередная корпоративная вечеринка тоже ничего особого для Портного не предвещала. Немного протокольного веселья – потом он поедет к Инне. Ей было тридцать два, и судьба её явно не баловала. Она воспитывала восьмилетнего сынишку. Отца ребенка, когда Инна была на седьмом месяце, срочно решила вернуть первая жена, несколькими годами ранее его же изгнавшая. Мальчишка так никогда и не видел папу. Следующие её отношения закончились после рукоприкладства кандидата в мужья. С Семёй у них все получилось удачно. Свидания два раза в неделю не были торопливыми – и огонёк, и тепло, и поболтать, и пошутить. Сёма слегка заботился об Инне, что было для него необременительно, не особо затратно и в определённой степени приятно. Компьютер, книги, велосипед, мяч, кроссовки для пацана – хоть какое-то конкретное доброе дело в его жизни.

Инна обладала уникальным для барышни качеством – она никогда ему сама не звонила, не была навязчивой, разбиралась в его делах, но при этом не лезла в душу с некорректными расспросами. Вместе с тем Инна была очень естественной, достаточно откровенной и лишенной жеманства. Спросишь, чем помочь, ответит без излишних ужимок.

Вечеринка явно задалась. Хороший виски, завладевший измотанными в течение рабочего дня телами, настроил всех на бесшабашное веселье. Тосты полились один остроумнее другого. Портной зашёл в кабинет, дабы одеться и потихоньку ретироваться. В этот момент перед ним стремительно возникла помощница Лилия. Семён не успел опомниться, как почувствовал горячий поцелуй. Он попробовал было дёрнуть «стоп-кран», включить тормоза с помощью дежурного выражения «не надо, что вы себе позволяете», но Лилина уверенность, нежные движения языка, которые он ощутил у себя в ухе, не оставляли шансов. «Молчи, молчи, я так давно ждала этой минуты...» Она настолько естественно подстроилась под его тучноватое тело, что начальник, позабыв враз обо всех своих железных правилах, не смог устоять. Оказалось, Лилия помнила почти все его шуточки, её умиляло в нем сочетание полноты и быстроты и резкости движений, озорные глаза. Но ведь есть много молодых и интересных...

– Семочка, мне, кроме тебя, никто не нужен. Я себя знаю. Ты дашь фору любому из этих недоразвитых самовлюблённых желторотых пижонов.

Первой жертвой отношений с Лилией стала домработница. Пряча глаза, Портной выплатил ей полугодовое жалованье, обещал всегда и во всем помогать.

Сложнее было разорвать отношения с Инной. Однако неизбежность этого шага являлась очевидной. Роман с Лилией набирал обороты, и расчувствовавшемуся Портному не хотелось омрачать его недомолвками и нечестностью. Семён ощущал себя полнейшей сволочью, хотя вроде и не имел каких-либо обязательств. А к Инниной преданности он привык и воспринимал её как нечто само собой разумеющееся.

Портной назначил ей встречу в ресторане. Инна выглядела замечательно: белоснежная, идеально сидящая блузка подчёркивала её природную красоту – здоровую, загоревшую кожу, некрашенный густой чёрный волос, красивую линию шеи и груди. В ушах золотились аккуратные золотые серьги – они стоили недорого, но это был один из первых подарков Семёна, и Инна

подчёркивала, что дорожит им. Но, судя по тревожному взгляду, у неё было какое-то предчувствие. Любимые Семой ямочки на щеках, появившиеся одновременно с робкой улыбкой, то и дело пытались обратить на себя его внимание.

Он не любил этих тягостных разговоров и объяснений, как школьник, да и вообще любой человек, уличённый во вранье, не любит обсуждать противный самому себе, но уже совершённый поступок. Поэтому Портной, чувствуя, что вот-вот раскиснет и от этого будет ещё хуже, сходу обрушил на подругу заранее подготовленные фразы. Отведя взгляд погрузневших и повлажневших больших, а потому особенно выразительных карих глаз куда-то в пол, и бессмысленно передвигая положенный перед ней учтивым официантом нож, Инна не стала устраивать ему никаких сцен, даже попыталась скрыть своё огорчение, пожелала удачи и ни в чём не корила. Семён вручил ей банковскую карточку: «Здесь положено на твое имя пять тысяч, ежемесячно каплют небольшие проценты, которые можно снимать. В жизни всякое бывает. Не злись на меня, прости и звони в случае возникновения любых проблем; чем могу, всегда помогу».

Глава 2. Неплановая беременность

Через день, в пятницу, как и планировалось, к массивным воротам СФТ-банка подъехал инкассаторский микроавтобус. Стандартная процедура принятия ценностей в ячейку не заняла много времени, тем более что только Портной и курьер, сопровождавший груз, знали о содержании серебряного чемоданчика.

В помещении депозитария Семён Григорьевич в присутствии курьера переложил содержимое посылки в большой металлический ящик, который затем засунул в ячейку, оставив ключ у себя. Неукоснительно соблюдая инструкцию, сотрудник банка, отвечавший в эту смену за работу с клиентами, предварительно вышел из помещения депозитария, оставив посетителей наедине со своей тайной, пусть даже один из них был управляющим этого самого банка, – правила и их неукоснительное соблюдение являются залогом успеха любого финансового учреждения.

* * *

В предвкушении интересной работы Иван обычно ощущал прилив сил. Эти чувства были сродни тем, которые переживает охотник, с любовью готовящий своё оружие к завтрашней охоте. Вот оно, скоро начнётся. Черепанов относился к той редкой породе людей, которые получают удовольствие от преодоления трудностей, от борьбы и опасности. Всякая избирательная кампания сопряжена с круглосуточным нервным напряжением, и чем ближе день «Х», тем сильнее оно нарастает. Расход кофе и сигарет увеличивается пропорционально количеству листов, оторванных от календаря, красные от бессонницы глаза ещё впереди, но душевный трепет в предчувствии схватки уже овладел им.

Иван отметил, что «пассат» повышенной комфортности, верно служивший ему уже четыре года, не мешало бы поменять. Почему-то захотелось пересесть на «порше». И ещё он надумал подарить Ольге шубу и кольцо с красивым бриллиантом. С её возвращением Черепанов почувствовал огромный прилив сил. А главное, у обоих ушли некие внутренние сомнения. Теперь оба спешили домой, как на праздник.

Ольга окружила их быт множеством приятных и быстро вошедших в привычку традиций. Она первой просыпалась и приносила Ивану хорошо заваренный кофе с горячим тостом, обжаренным до такой степени, как он любил. А Черепанов, придя с работы, обязательно делал для неё морковно-яблочный сок по своему особому рецепту. По субботам с утра они дружно занимались хозяйством. При этом Ольга брала на себя спальню, стирку и глажку, а Иван – всё остальное. Потом они обязательно шли в кино и в излюбленное кафе на бульваре обсудить текущие дела. Даже ругаться они научились весело, не обидно, любя. Ольга обязательно звонила несколько раз в день – сказать, что любит, переживает, скучает. Несмотря на свою занятость, Черепанов старался её чем-нибудь приятным побаловать.

В их первом заходе на совместную жизнь как раз этого и не хватало. Начиналось всё романтично и красиво. Каждый хотел и был готов к счастью. Общность душ, целей. Казалось, они нашли, открыли друг друга и идеально подходят. Ему – пятьдесят два, ей – тридцать шесть. И всё было хорошо. Но наступил момент, когда каждый из них почувствовал, что партнёр ведёт себя не совсем так, как хочется другому. И захотелось вначале получить доказательства любви.

Однажды Ольга задержалась на работе, а мобильный оказался отключен. Ивану это не понравилось, и он сказал, что при желании она могла бы позвонить и предупредить с другого телефона. «Ты мне не доверяешь?» – в голосе Ольги звучала явная обида. «Но это естественная, обычная норма общения», – Черепанов почувствовал, что его делают виноватым и заставляют оправдываться. Затем к Ольге приехала погостить мама. Иван с радостью встретил её,

поселил в гостиной, а узнав, что у неё проблемы с суставами, отвёл на консультацию к лучшему специалисту. Но однажды вечером, придя домой, услышал, как потенциальная тёща наставляет дочь: «Подумаешь, начальник, да он и не думает на тебе жениться, вот увидишь. И что это за манера по средам с друзьями допоздна за картами сидеть, когда ты дома? Только время на него убьёшь, а он тебя и не пропишет никогда. Какие у тебя гарантии? Да и староват он для тебя. Неужели с твоей-то красотой и умом никого моложе не найдёшь?».

Иван тогда был всецело поглощён вынужденной и неплановой заменой сторевавшей аппаратуры на телестудии. Через месяц он готовился сделать Ольге сюрприз – повезти в кругосветный круиз. И женитьбу, если всё будет складываться хорошо, планировал через годик. Выходит, всё, что он сделал хорошего, никак не ценится и не замечается. Гарантии им, видите ли, подавай. А какие у меня гарантии?

Ну что за талант во всём самом лучшем отыскивать что-то плохое? Иван постарался сделать вид, что ничего не услышал, но червячок обиды и сомнения уже оставил в его сердце червоточину. И всё же ему не хотелось порывать с Ольгой – слишком много хорошего было. Но чем сильнее он старался и чем больше придавал этому значения, тем хуже получалось. Ольга стала отдаляться, он обнаружил несвойственную себе ранее раздражительность. А однажды из-за какого-то пустяка она на ровном месте раздула обиду, обвинив в том, что он даже не запомнил дату их знакомства, а месяц назад уехал в командировку, хотя она заболела, слегла с температурой и нуждалась в уходе. Слово за слово, вспышка гнева, собранные вещи – и прощайте высокие отношения.

Стало быть, не судьба. Что ни происходит – все к лучшему. Сейчас же, во второе пришествие Ольги, её словно подменили. Они с Иваном делали то, что каждый из них хотел от другого, но – абсолютно естественно, легко, безо всякого усилия над собой. Было просто хорошо и радостно. На этом фоне все напряжения деловой и профессиональной деятельности переносились легче и проще. Так пролетело полтора месяца. В силу темперамента Иван хорошо ориентировался в Ольгином лунном женском графике.

– Как самочувствие? – спросил он у своей Оленьки перед сном.

– Ну, что ж, Ванечка, я, похоже, да не похоже, а точно забеременела, – ответила Ольга мягким и спокойным голосом, с блаженной улыбкой глядя ему прямо в глаза.

– Как здорово! – Иван нежно и крепко притянул её к себе. Он не играл в благородство и действительно был искренне рад и почувствовал, что с этого мига уже любит будущего ребёнка. Не потому, что ему льстило ещё раз сделать заход на отцовство. Далеко не от каждой женщины ему хотелось бы иметь детей. Когда-то у него случился неосторожный эпизод, и Иван с ужасом представил последствия. От ребёнка он отказаться не сможет, а с его мамой эту область отношений не хотелось развивать ну никак. Черепанову в период размолвки с Ольгой было тоскливо и одиноко, и курортная встреча с юной большеглазой смуглянкой Анютой, обладательницей густых вьющихся волос, пухлых губок, очень темпераментной и чувствительной поначалу утолила жажду, но вскоре он понял, что все её достоинства этим и ограничивались. Плотнее пообщавшись, он никак не мог представить это юное самовлюблённое, некритичное и не очень воспитанное, но весьма цепкое и назойливое существо, которое, казалось, родом с какой-то другой планеты, рядом с собой в жизни.

А вот Ольга станет замечательной мамой их малышу. А главное, при всей разности у них возможна гармония, они прекрасно дополняют друг друга.

* * *

На десять часов утра вторника в штабе было назначено организационное совещание, на котором Иван планировал утвердить кандидатуры ответственных за избирательные участки и провести инструктаж по плану дальнейших действий. Черепанов по привычке прибыл заблаго-

временно, загнал машину во двор и, достав из багажника портфель, двинулся в сторону поста охраны. Перед дверью стоял, а вернее, нетерпеливо ходил взад-вперёд Портной, при этом он нервозно курил сигарету, глубоко и часто затягиваясь. Дорогой пиджак великого финансиста был расстёгнут, а по вискам стекали крупные капли пота.

– Ты совсем не бережёшь себя, Семён, раньше ты курил исключительно по праздникам. А сегодня что у нас за праздник? Вторник? Ну, здравствуй, – Иван протянул казначею руку и вместо обычно крепкого рукопожатия ощутил мокрую ладонь.

– Что случилось? – Иван пристально стал рассматривать Семёна, находя в нем всё больше признаков волнения, скорее даже панического состояния.

– У нас проблемы, Иван Сергеевич. Очень большие проблемы. Я не стал звонить по телефону, решил приехать.

Приветливая улыбка мгновенно сошла с лица Черепанова:

– Идём, не здесь.

Портной, войдя в кабинет, плюхнулся в ближайшее кресло и, достав уже изрядно помятый за утро платок, принялся вытирать нервный пот с лица.

– Денег в ячейке нет, – взгляд Семёна Григорьевича остановился на Иване, который, опёршись кулаками о стол, напоминал хищника, готовящегося к прыжку на свою жертву.

В кабинете начальника штаба установилась абсолютная тишина, которая возможна разве только в космосе. Семён имел вид человека, главной мечтой которого было сесть в машину времени и вернуться на несколько дней назад. Иван же был настолько ошарашен, что поначалу не сориентировался. Остроумие отошло на второй план, сарказм можно было применить только к себе, а вид Портного ничего, кроме жалости, не вызывал.

– Поясни, Семён Григорьевич, лучше сам, а то у меня в голове сейчас произойдёт ядерный взрыв.

– Я зашёл утром в депозитарий, чтобы, как обычно, взять деньги для расчётов с пиарщиками, а там... там пусто, – платок уже промок насквозь, но Семён, который, казалось, сам боялся того, что говорил, продолжал постоянно вытирать мокрые виски.

– И?

– Ключ был только у меня, и я лично закрывал эту проклятую ячейку в пятницу.

– Так, стало быть, ты все деньги забрал в субботу и потом забыл об этом? Ты же во сне не ходишь, Семён? – Иван начал повышать тон, срываясь на крик.

– Подожди, не кричи, у меня и так давление подскочило, я же тебе живым нужен, надеюсь?

– Не отвлекайся, нам с тобой на больничный теперь не скоро, нам его не оплатят! Когда ты это обнаружил точно?

– Час назад.

– Что предпринял?

– Вызвал начальника охраны – он в области, инструктаж проводит в новом отделении. Уже едет, минут через сорок сможем видеозапись посмотреть.

– Всё? Больше никаких новостей? – Иван был в ярости, но пытался сдерживать себя, как мог, понимая, что на Портного в таком состоянии давить больше нельзя – случится приступ. – Ты на чём приехал?

– На машине главного бухгалтера, но я её отпустил. Мой водитель не вышел сегодня, а сам я за руль не решился – руки дрожат.

– Поедем на моей. Сейчас – к тебе. И не трусись ты, как щенок на морозе! Ты мне с ясными мозгами нужен, вызывай всех причастных к депозитарию, у нас есть пара часов, чтобы самим с ситуацией разобраться.

– Все в сборе, ждут меня, я посоветоваться приехал, как быть дальше.

– А дальше разбираться с твоими охламонами будем, с пристрастием! – Иван поднял трубку, набрал внутренний номер, ошибся, чертыхнулся в сердцах и набрал ещё раз. – Светлана, перенесите все штабные мероприятия с моим участием на завтра.

Чёрный «пассат» Черепанова припарковался возле служебного входа в СФТ-банк, и тут же к автомобилю решительно подошёл охранник со словами: «Здравствуйте, здесь нельзя...». Его казённая фраза оборвалась на полуслове, поскольку Семён, с трудом выбираясь с пассажирского места, жестом обратил на себя внимание.

– Простите, Семён Григорьевич, не узнал – стёкла слишком тёмные, – дежурный рефлексивно вытянулся по стойке «смирно».

– Кто у тебя в безопасности работает? – вопрос был адресован спине медленно поднимающегося по лестнице Портного.

– Всё как обычно: отставники из органов, на постах расставлены обычные молодые люди, проверяем биографии, пробиваем на предмет судимости – всё, как у всех.

– У всех деньги из банков без стрельбы не крадут!

– Ваня, я прошу тебя, ты или убей меня прямо здесь, или перестань пить из меня кровь. Ты думаешь, мне это всё доставляет удовольствие? Мне уже не шестнадцать лет, и такие тренинги даром не проходят, – Семён начал приходить в себя, и в его голосе появилась некая твёрдость.

– Ладно, управляющий, давай займемся делом, куда дальше?

Портной повёл Черепанова в помещение пульта охраны, где уже наготове стоял начальник службы безопасности банка.

– Константин Юрьевич, начальник нашей службы безопасности, – отрекомендовал своего подчинённого Портной.

– Черепанов, – Иван представился лаконично и строго. – Нам нужно просмотреть ваше кино с пятницы по сегодняшнее утро.

– Но допуск... – руководитель службы безопасности вопросительно взглянул на своего шефа.

– И чтоб вы все так работали, когда меня нет! – лицо Семёна налилось кровью. – Ты хоть знаешь, что у вас тут происходит?

– Нештатных ситуаций не было, «сработок» сигнализации не отмечено, смена передана без происшествий, Семён Григорьевич, – служащий был искренне удивлён неожиданным всплеском ярости управляющего.

– Да что вы говорите! Открывай, Костя, сейчас увидим.

Помещение пульта напоминало комнату режиссёра на телевидении, только без окон. Мониторы, разбитые на секторы наблюдения, беспристрастно фиксировали всё, происходящее в банке.

– Пятница, вечер. Около восемнадцати ноль-ноль, с того момента, как я вышел из депозитария, – Портной подвинул стул и с облегчением сел перед монитором.

Константин Юрьевич лично сел за пульт и включил воспроизведение записи на ускоренный режим. Экран долгое время не менял свою картинку, прокрутили субботу, воскресенье. Понедельник обозначился иногда появляющимися фигурками посетителей, но все они подходили к другим ячейкам. Таймер записи приближался уже к шести вечера, когда в зале появился высокий, несколько сутуловатый и худой молодой человек, который уверенно подошёл к нужной ячейке и, после того как сотрудник банка вышел из помещения, открыл её.

– Стоп! Он! – Портной вскочил со стула. – У тебя есть запись со входа? С этого ракурса я бы и себя не узнал!

– Конечно, Семён Григорьевич, минуту, – путём несложных манипуляций на экран была выведена увеличенная фотография человека, зашедшего в депозитарий.

– Охренеть... Антон, – Портной схватился рукой за сердце и сполз на стул.

– Так, Семён Григорьевич, сейчас умирать не время, возьмите себя в руки. Будьте добры, давайте вернёмся к прежнему сюжету и досмотрим его до конца, – Иван был весь во внимании.

– Пожалуйста, – начальник охраны включил воспроизведение, и присутствующие абсолютно чётко увидели, как немного неуклюжий молодой человек довольно уверенно открывает ячейку и, не суетясь и не спеша, кладёт серебристый чемоданчик в принесенную им большую спортивную сумку, даже не удосужившись проверить его содержимое. Далее он спокойно покидает помещение депозитария.

– Теперь по порядку, Семён Григорьевич, кто такой этот Антон?

– Это мой водитель... Пойдёмте ко мне в кабинет, Иван Сергеевич, а вы, Константин Юрьевич, проверьте, пожалуйста, все ли процедуры были соблюдены, когда Царьков заходил в депозитарий. Жду вас через тридцать минут. Да, и направьте сотрудников к нему домой – он сегодня не вышел на работу, и его телефон отключён. Поднимите личное дело, узнайте, где живут его родственники, – в общем, выверните всю его подноготную наизнанку – не мне вас учить.

В приёмной управляющего жизнерадостная секретарь Лиличка встретила шефа лучезарной улыбкой, но тут же по выражению его лица поняла, что день не задался.

– Ко мне никого, кроме начальника по безопасности, не пускать, всех, кого надо, буду вызывать сам, – коротко рявкнул Портной и пропустил Ивана вперёд в свой кабинет.

– Слушаю тебя, Сёма, какие мысли будут?

– Боже ты мой, так сесть в лужу... – Портной снова начал терять самообладание. – Это Антон Царьков, мой личный водитель.

– Ключ у него откуда, Сёма?

– Не знаю. Мамой клянусь. Я ему доверял, он со мной уже больше пяти лет ездит.

– Доверял? На тебя это не похоже, я полагал, банкиры иной раз сами себе не доверяют.

– Машина – это как дом, в ней чувствуешь себя защищённым, да и он – парень порядочный, скромный, исполнительный, жизнерадостный. Взяли его по рекомендации из конторы одного из наших VIP-клиентов.

– Почему он так уверенно шёл к ячейке? И почему он знал, что нужно брать?

– Ячейка эта зарезервирована для наших служебных нужд, оформлена на него. Там никогда никаких ценностей не хранили. Так, документы некоторые, не для публики. Я, кстати, первый раз туда деньги положил.

– Почему на него?

– А что, я на себя должен был договор заключить? Говорю же: хранили документы не для публики. Ключ я никому не доверял, он всегда в моём портфеле лежит, – Семён открыл портфель и достал из небольшого кармана пластиковый контейнер с ключом. – Вот, он и сейчас здесь.

– А портфель, как я понимаю, мы в машине, на заднем сиденье, оставляем частенько?

– Бывало.

– Ответ на свой первый вопрос я получил: ключ находился в зоне доступа твоего водителя, и он вполне мог изготовить дубликат. Теперь второй вопрос: откуда он узнал, что нужно прийти именно в понедельник? Это важно знать, чтобы понять, банальная ли это кража, или...

– Перед приходом денег я говорил в машине по телефону, давал некоторые распоряжения. Он мог слышать и догадаться, хотя прямым текстом я о деньгах, кажется, не обмолвился, – Портной сидел за столом, потирая лоб, как студент, который не понимает, как завтра пересдавать экзамен.

– Чудесно. Просто верх безответственности! – Черепанов ходил вперед-назад по кабинету, нарезая круги между аквариумом и массивным сервантом чёрного дерева, в нижнем отделении которого за закрытыми дверями от тяжёлых шагов Ивана предательски позвякивали хрустальные рюмки.

– Сёма, ты сегодня или не сегодня – неважно уже когда – создал проблему, и нам придётся её разгрести вместе. До конца. Вопрос номер один: дырку в бюджете нужно срочно закрыть. Вопрос номер два: найти этого засранца, а точнее, доверенные нам партийные деньги, которые он спёр. При этом обратиться в органы мы по понятным причинам не можем. Да и твои хозяева не одобряют такой халатности, репутация заведения пострадает, а твоя карьера – так это уж точно, – Черепанов сопровождал свою тираду отчаянными и красноречивыми жестами.

Телефон зазвонил раздражающе громко, Портной нажал кнопку громкой связи.

– Семён Григорьевич, к вам Константин Юрьевич с докладом.

– Пусть войдёт, и сделай, что ли, чай или, лучше, кофе.

Бледный начальник охраны, который за время своего отсутствия навёл справки и догадался о причине предынфарктного состояния шефа, появился в дверном проёме.

– Семён Григорьевич, Царькова не было дома с утра понедельника, квартира закрыта. Его мама обеспокоена, но в органы пока не обращалась.

– Почему его пустили в хранилище?

– В депозитарии он сказал менеджеру по работе с клиентами, что вы дали ему срочное поручение, после чего и был пропущен, тем более что ячейка на Царькова и оформлена...

Портной взвыл, как загнанный на охотников зверь, то ли от злости, то ли от обиды на самого себя и с силой ударил громадными кулаками по массивному столу.

Константин Юрьевич взял паузу, а затем негромко спросил:

– Разрешите продолжать?

Портной, обречённо глядя на него исподлобья, молча кивнул.

– Затем Царьков покинул помещение банка с большой сумкой в руках и уехал.

– На чём?

– На вашем служебном автомобиле, а сумку положил в багажник.

– То есть когда он забирал меня из казначейства и вёз домой, сумка находилась в багажнике моей машины?! Подобная борзость ему явно несвойственна.

– Я не готов ответить, он мог её выгрузить и до того, как заехал за вами. Ваш автомобиль прибыл в гараж вовремя, ключи он сдал на пост и уехал на своём личном «авео».

– Свободен.

– Семён Григорьевич, я посчитал нужным поднять его кредитную историю...

– Говори.

– Царьков воспользовался программой кредитования сотрудников для покупки того самого автомобиля. Сумма вроде небольшая – шесть с половиной тысяч долларов. Четыре месяца он выплачивал исправно, но потом выбился из графика.

– Почему меня не поставили в известность?

– О том, что он взял ссуду, или о том, что перестал платить? – Константин Юрьевич слегка наклонился вперёд и застыл, всем своим видом показывая, что готов терпеливо принять и вытерпеть любые эмоции шефа.

– О его финансовых сложностях! – Портной перешёл уже на крик, срывая голос.

– Мы не придали этому большого значения: он малыми платежами погашал, но не в установленные дни, а так, когда придётся. Давал пояснения, что занимается продажей маминой квартиры и погасит основную часть займа в ближайшее время.

В этот момент на пороге появилась Лиличка с подносом, и все замолчали. Гнетущая, сжавшая в кабинете воздух и всё пространство нервозная тишина надавила и на неё. Под пристальным взглядом трёх пар глаз она с непривычным напряжением стала снимать с серебряного подноса белоснежные фарфоровые чашки. Ее руки слегка подрагивали, отчего посуда дробно позвякивала, и Лиле пришлось сконцентрировать все усилия, чтобы не опрокинуть какую-нибудь чашку и не обжечь начальство.

– Остолопы! Дятлы умнее вас, профессионалы чёртовы! Это всё?

– Так точно, Семён Григорьевич.

– Уйди с глаз моих, я потом казнь тебе придумаю, когда сердце отпустит, – Портной отхлебнул горячего кофе и закашлялся, раздражённо замахав крупными, бесполезными сейчас руками.

Константин Юрьевич, которому так и не представилось прикоснуться к предназначенной для него чашке, по-военному развернулся через левое плечо и спешно покинул кабинет.

– Кофе хороший, забери с собой, – автоматически бросил ему вдогонку Портной, так и не избавившийся, несмотря на положение, от мелкой рачительности.

– Смотри, как бы он тоже не ошпарился. Эх, Сёма, Сёма, неужели тебя мама в детстве не учила, чтобы ты не экономил на заварке? – холодная ирония Черепанова являлась своеобразной защитой в критических ситуациях, когда очень хотелось выйти из берегов.

Портной ничего не отвечал и лишь сосредоточенно сопел.

– Ну, что вам сказать, мой друг, заведение у вас очень демократичное, отношение к сотрудникам – просто мечта любого клиента собеса, мне всё понятно, – Иван стал листать записную книжку телефона, отыскивая номер своего хорошего товарища, начальника городского УБОПа подполковника Сердюкова. – Геннадий Андреевич, добрый день, Черепанов. Пошептаться бы, времени займу немного. Да, спасибо. Давайте чайку попьём в «Офелии». Это рядом с вами, один квартал. Так точно. Выезжаю.

Положив трубку, он повернулся к Портному и добавил:

– А ты, Семён, покуда выпей таблеток – тебе виднее каких. И постарайся не получить инфаркт, не кричи и не стучи руками по мебели. По людям тем более. Вечером позвоню. Да, вели сделать копию личного дела своего доблестного водителя... Ну, я поехал.

* * *

Даже самые законспирированные романчики в любом коллективе быстро становятся достоянием гласности. Хотя на работу Семён и Лилия ездили порознь, а на людях соблюдали строгость и нарочито дистанцировались, обращаясь исключительно на «вы», всё равно, как водится в таких случаях, о них быстро узнали.

Сёма чувствовал себя так тревожно, как никогда в жизни, поэтому решил начхать на формальности и этикет. Он вышел в приёмную, не обращая внимания на нескольких посетителей, которые в ожидании аудиенции утонули в удобных кожаных диванчиках, недавно доставленных прямо из Италии, если верить цене и документам.

– Собирайся, поехали, – бесцеремонно скомандовал Портной и наткнулся на вопросительно-непонимающий взгляд Лилички. В последний месяц она расцвела. Бёдра округлились, щёчки налились. Большие карие глаза стали проникновеннее. И вообще Лилия стала как-то независимее и увереннее держаться.

– Но, Семён Григорьевич, у меня расписано...

– Всё и всех – на завтра, а сейчас – поехали. У нас форс-мажор. Жду в машине, – Семён вышел и поймал себя на мысли, что со стороны он, наверное, выглядит грубовато. Ну и плевать.

В машине оба молчали. Дома Семён обнял Лилию, словно маму в детстве. Ему нужна была её поддержка.

– Лилёк, у меня к тебе серьёзный разговор. Впервые в жизни у меня возникли трудности такого уровня, которого я даже не мог предположить.

– Сём, ну ты же у меня умница. Я верю, ты справишься.

– Иди ко мне, – Семён, почувствовав прилив желания, подхватил Лилию на руки и понёс в спальню.

Но она не размякла, как обычно, а как хорошо умеющая владеть собой женщина, резко возразила: «Больно, пусти...».

Семён растерянно опустил Лилю на пол и стал внимательно в неё вглядываться.

– Ну не смотри ты на меня так. Просто я неважно себя чувствую, не обижайся, не сегодня. Пойду пока приготовлю перекусить.

Продолжать беседу Портной не стал, хотя это и стоило ему немалых внутренних усилий. Он чувствовал в ней какую-то перемену, но гнал от себя эти мысли. Наутро Лиля привычно, как ни в чём не бывало, чмокнула его на прощание. Но, когда она красилась, Семён ощутил некое раздвоение собственной личности. Один человек внутри него – прагматичный и наблюдательный – начал обнаруживать, что Лиля его не особо любит, – просто играет удобную для себя роль. Другое внутреннее «я» призывало не делать поспешных выводов, не поддаваться подозрительности, ревности и продолжать верить в то, во что верить хочется.

На работе Лиля было несколько рассеянной, словно находилась мыслями в другом месте и о чём-то постоянно думала. В конце концов Портной отыскал в себе силы поговорить начистоту и расставить все точки над «i». Уж лучше суровая правда.

– У тебя какие-то проблемы? – спросил он Лилию, когда она, не глядя ему в глаза, занесла очередную порцию документов на подпись и уже собралась выходить. – Присядь.

– И с каких это пор тебя стали интересовать мои проблемы? – раздражённо-обиженным голосом произнесла Лилия и подняла на него незнакомый суровый взгляд. – До сих пор проблемы могли быть только у тебя, всё остальное тебя мало волновало. Лишь бы тебе было удобно.

– Но Лиля...

– Что, Лиля?! У меня две недели назад был день рождения. Да, ты потратил кучу денег на этот дорогуший ресторан, покрасовался перед своими друзьями. Но это тебе было нужно, а не мне. Я намекала, что мне хочется всего-навсего шубку из шиншиллы.

– Да, я помню, но я и собирался ближе к осени, – Портной сам не заметил, как стал оправдываться, словно опоздавший на урок школьник.

– А уж если тебя это так волнует, то у меня действительно серьёзные проблемы со здоровьем.

– Что именно? Ты ничего не говорила... – встревожился тут же забывший о колкостях Портной.

– Я была у врача.

Сёма напрягся, и казалось, уже знал содержание дальнейших её фраз. Наверняка она беременна. Ну что ж...

– У меня есть проблемы по-женски, возможно, понадобится операция.

– В смысле?

– В смысле – эндометриоз яичника. Если тебе это, конечно, о чём-то говорит. В будущем не исключено, что я не смогу рожать детей, и вообще, кому я такая буду нужна? Всем вам подавай одно и то же... – и Лиля как-то по-детски расхныкалась.

– Но Лилёк, что ж ты носишь это в себе, ты можешь рассчитывать на меня, на мою поддержку. Не переживай, у современной медицины такие возможности. Если надо, съездим за границу. А я... я всегда буду рядом с тобой, – расчувствовавшийся и поддавшийся сентиментальности Сёма заботливо, по-отечески, обнял Лилию. А через секунду внезапно предложил: – А знаешь, поехали – мне так хочется купить своей девочке шубку из этого нежного зверька.

– Нет, Семён, не стоит, это слишком дорогой подарок. Я понимаю, что и у тебя, и у меня сейчас грядут трудные деньки.

– Поехали, говорю.

– Эх, мой Сёмочка, ты так меня балуешь, – перед выходом из кабинета Лилия нежно обняла и страстно поцеловала Портного.

На следующий день Семён позвонил своему хорошему приятелю – главврачу областного диагностического центра Аркаше Смоляницкому.

– Батеньки, кого я слышу?! Семён Григорьевич самолично соизволил оказать мне честь, неужто ты, наконец, решил заняться своим здоровьем?

– Аркаша, что такое... сейчас прочту, у меня записано. А вот, «эндометриоз».

– Семён, ты что, на старости лет решил гинекологией увлечься? Залезь в интернет – там всё доступно изложено.

– Аркаша, не зли меня, остряк хренов. Некогда с тобой панькаться. Будешь выпендриваться, в следующий раз пошлю тебя оформлять кредит на общих основаниях.

– Ладно, раскипятился. Диагноз не из приятных. Но всё может и обойтись. А может закончиться удалением яичника, ранним климаксом, ну и так далее. Ты, Семён Григорьевич, не кипишуй, а давай свою пациентку ко мне, есть и специалист с сердцем, головой и руками, и аппарата – из столицы к нам в самых безнадёжных ситуациях едут.

– Спасибо, на днях перезвоню, – настроение у Портного немного поднялось. Он твёрдо решил, что не бросит и поддержит Лилю в любом случае. Ведь она ему родной, близкий и преданный человек.

Вечером Семён пригласил Лилю в любимый ресторанчик, дабы сообщить две новости и сделать знаковый подарок.

Любить «Титаник» у Семёна было несколько причин. Здесь готовили из свежих продуктов, меню и сами порции были удачно сбалансированы: и вкусно, и оригинально, и легко для усвоения – в Сёмином случае это было немаловажно. А главное, приятная атмосфера, заботливый персонал. Интерьер и освещение были подобраны на редкость удачно: торжественность и яркость сохраняли мягкость и не слепили.

– Лиличка, моя любимая, единственная. Ты самый мой близкий человек, и сегодня я хочу подарить тебе это кольцо, – Портной поставил перед Лилей миниатюрный бумажный пакетик, на котором были изображены два сердца.

Она не спеша извлекла оттуда чек и бархатистую, цвета спелой вишни коробочку. Чек сунула обратно – его можно будет изучить позже, а из коробочки достала ажурное колечко с тремя сверкающими бриллиантами. Примерила.

– И что значит сей жест? На черный день можно будет сдать в ломбард? Шутка, шутка. Спасибо, Сёмочка, хотя я, наверное, и не заслужила.

– Лиль, брось подтрунивать над своим Сёмочкой, – Портной, наконец, начал разговор, который готовил и обдумывал несколько дней. – В этой жизни мне нужна только ты, и ты прекрасно об этом знаешь. Я сделаю всё, чтобы ты была счастлива, можешь рассчитывать на мою преданность всегда. Сейчас у меня возникли серьезные сложности. Я не хочу своими проблемами доставить тебе неприятности. Лиль, если со мной что-то случится, вот список телефонов и людей, которых нужно уведомить. А вот две карточки с PIN-кодами. Одна – «Астра-банк», другая – «ОДБ». На каждой по двадцать тысяч долларов. А вот это ключ от ячейки – там ещё десять тысяч наличными. Если понадобится адвокатам, ну и так далее. И ещё. Все проплаты, о которых будет говорить Ваня Черепанов – ты его знаешь, – сделаешь, они мною санкционированы. То же касается моего адвоката Серафимовича. Ну вот, собственно, и всё.

– За колечко ещё раз спасибо, за доверие тоже. Стало быть, я теперь богатая невеста – шутка, конечно. Что ж, за деньги не переживай – на массажи и украшения не растрываю, а насчёт докторов, спасибо за заботу, но у меня есть свой врач, которому я вполне доверяю. Так что буду справляться сама, а тебя держать в курсе. Ну, как твой японский салат сегодня, вкусный?

– Как обычно, попробуй. Только суховато как-то, – последние слова Портной адресовал не салату, а своей спутнице. Он смотрел на Лилю и не мог справиться со своим вторым «я», насторожившимся ещё больше.

«В конце концов, каждый из нас и наши отношения проходят эволюцию, меняются, любовь не может быть всё время на пике», – успокаивал он себя. «Кака любовь», Сёма, ты

же взрослый еврейский мальчик, а пытаешься верить в сказки, – не унималось второе «я». – Забыл, как учила тебя покойная мама: не мечи бисер перед свиньями».

Он бросил случайный взгляд в зал и зацепился за висевшую на стене фотографию сияющих радостью, окрылённых членов экипажа «Титаника». Вот они, счастливые лица, светящиеся от гордости, ведь попасть на «Титаник» считалось большой удачей. А после роковой трагедии, наоборот, радостью засветились глаза тех, которые отбор не прошли, – Бог отвёл... Семёну даже показалось, что один из моряков ему подмигивает.

Портному почему-то вспомнилось, как в детстве мама купила ему трёхколёсный велосипед, – такого не было ни у кого из мальчишек во дворе. И он, счастливый, мечтал, как будет ездить на нём на работу, а потом разбогатеет, станет возить маму на машине, а ещё в него влюбится девочка Лиза, которая живёт на пятом этаже. Семён с интересом отметил, что он разбогател намного больше, чем мог тогда мечтать. Только таким счастливым, как тогда, он уже не станет, хотя бы потому, что уже не сможет так мечтать. Сейчас можно было просить своего Бога лишь об одном – выплыть из этого дерьма живым и с наименьшими потерями... И это был верхний и почти заоблачный предел его мечтаний.

Глава 3. Лугань – Москва – Киев – транзит

Москва. Как много в этом слове для гастарбайтера слилось. Город самых богатых звёзд, город привезенных из азиатских республик дворников и торговцев, город высочайшей театральной и литературной культуры и самого мерзкого грехопадения. Город-экзамен, город-лотерея, город-улей, город-тиран, город-случай, город надежд и сказочных возможностей, город-палач и город плача, город смеха и город гримас, город подвоха, город любви и безумных страстей. Столица интриг и предательства. Во всяком случае, ни в одной из столиц бывшего Союза таких масштабов нет. Масштабов денег, масштабов чувств, масштабов авантюры.

Селиванову ранее частенько случалось наезжать в Москву по делам. Но приезжать и жить – вещи разные. Как отходной вариант в случае форс-мажорных неприятностей в Украине он всегда держал Москву на примете. Да и зачем изобретать велосипед? В результате смены декораций на политическом Олимпе в Киеве не самые последние люди из бывшей власти, по тем или иным причинам не вписавшиеся или не сумевшие договориться с новыми хозяевами Банковой, оказывались где-то неподалёку от Тверской.

Скопив свой первый миллион, Селиванов отыскал дальнюю родственницу по материнской линии – очень набожную и совестливую тётку Веру, жившую в подмосковном Королёве. Стал её навещать, слать к праздникам поздравительные открытки и гостинцы. А со временем объяснил, что хочет на всякий пожарный случай купить неподалёку от неё квартиру, но его служебное положение и украинские законы не позволяют этого сделать, так что оформить недвижимость придётся на тётку. У тётки Веры не было повода отказать заботливому племяннику из Украины. По его настоянию сразу же было составлено и завещание на эту квартиру на имя покойной матери Селиванова. А он, таким образом, в случае чего, нигде не фигурируя, окажется единственным законным наследником. Квартира с тех пор благополучно сдавалась. Поначалу Сергей великодушно оставлял тётке десять процентов, а остальные деньги она вносила на свой банковский счёт, карта для снятия средств с которого находилась у племянника. Но держал её Селиванов из осторожности исключительно на территории России – с прочими документами в сейфе на подмосковной даче одного из знакомых.

Со временем, когда тётка привыкла к новому доходу, Сергей снизил комиссию до пяти процентов, но одновременно увеличил её, вернее, свой капитал по той же схеме, прикупив на бойком месте неподалёку небольшое фасадное помещение, стабильно приносящее от аренды несколько тысяч американских денег. Окажись он в самой критической ситуации, это был тот островок, где можно было безбедно отсидеться, отдышаться, имея всё необходимое для жизни.

Собственно, почти так оно и случилось. Ретировавшись из Украины, Селиванов не стал светиться и лезть на рожон. Если его объявят в международный розыск, отбиться можно будет, но дороже. Да и смысл дразнить гусей?

Российский паспорт ему сделали по стандартной таксе – две тысячи всё тех же американских бумажек. С этим паспортом российские партнёры без проблем приняли Сергея на работу в одно из своих подразделений. В случае чего они всегда прикрыты и подстрахованы, и не только связями во всех силовых структурах и безупречным знанием законов и консультациями лучших юристов. Кадры проверили: бумаги и резюме в порядке, а подозревать они ничего не обязаны, да и некогда им вникать в биографии всех сотрудников и проверять подлинность их паспортов. А ведь и паспорт-то у него, если уж на то пошло, самый что ни на есть настоящий. Для подстраховки Селиванов всё же изучил детали своей российской биографии – во всяком случае, в пределах того, что пробивалось по компьютерной базе. Даже не поленился съездить на новую родину, в Серпухов. Походил по кварталу советских панельных девятиэтажек, где мало кто кого знает и помнит, зашёл в школу...

Серёжа Селиванов давно научился быть наблюдательным, что всегда помогало ему в жизни. Документы в Москве, наполовину состоящей из легальных, а по большей части нелегальных приезжих, проверяли куда чаще, чем в Лугани или Киеве, а тем более в Европе. Там для проверки нужны были веские основания. В Москве же с правами человека не слишком церемонились. Особенно если этот человек ездит в метро, а не в сопровождении «мигалок». Повод, он есть всегда – угроза теракта, подозрительная внешность, схожесть с описанием опасного преступника из ориентировки и т. д. и т. п., спорить – себе дороже. А причины у патрулей быть столь бдительными самые что ни на есть меркантильные: если у проверяемого гражданина удастся отыскать проблемы с документами, регистрацией или ещё чем-либо, можно будет хорошенько поживиться. Если же всё в порядке – отпустить, извинившись и пожелав счастливого пути.

Селиванов в этой связи старался всегда хорошо одеваться – людей в светлых сорочках и галстуках, если они, конечно, не были пьяны, как он заметил, останавливали реже. При этом у него наготове было новое солидное удостоверение, свидетельствовавшее о принадлежности к дочерней структуре самого газового монополиста. Слабым звеном поначалу являлся хоть и не сильный, но распознаваемый тренированным ухом акцент. На этот случай Сергей продумал версию о том, что долго работал в украинском филиале, а в детстве его отправляли на лето к бабушке под Полтаву. Но за первые полгода документы у него проверили всего раз. Вёл он себя при этом спокойно и весьма уверенно, не заискивал, не многословил, поэтому сержант, лицо которого выдавало рязанское происхождение, оценил его беглым взглядом и отпустил. А над удалением акцента он работал довольно старательно и небезуспешно. Для скорейшего овладения московским говором нужно было как можно больше общаться с обитателями столицы, то бишь погружаться в среду.

Состоятельные москвичи – народ любопытный. Все они при наличии возможностей любят построить огромные загородные дома, куда потом вынуждены либо переселяться, либо приезжать на выходные. Как правило, жизнь за городом со временем наскучивает своей однообразностью, поэтому все они рады принять на выходные свеженького гостя. Очень удобно. В пятницу после работы тебя посадят в хороший автомобиль. Два дня вы будете есть, пить, бесконечно долго болтать, бродя по лесу или по деревенско-дачной улочке, а в понедельник утром дорогого гостя, отдохнувшего в замечательных условиях, вернут в столицу, заботливо высадив возле ближайшей станции сумасшедшего метрополитена. Главное при этом – иметь в запасе несколько неизбитых анекдотов, тостов, а ещё важнее – уметь выслушать хозяев. Таких знакомых у Сергея с его новой работой завелось немало, и он успешно совершал свои турне, навещая их по кругу с интервалом примерно в два месяца.

И уже через полгода изменилась не только речь Селиванова. Он похудел, отпустил усы, сменил короткую причёску на укладку с пробором. Очки с золотистой оправой добавляли его облику интеллектуальности. Хотя осталось в его манере поведения что-то особенное, характерное только ему – Серёге Селиванову, получившему на армейской службе кличку Бешеный.

Кардинально Селиванову в Москве не нравились три вещи. Еда – промышленный её поток явно исключал штучное домашнее качество, которым он баловал себя в Украине. В Москве на какой рынок не приди – цена и продукты у разных продавцов одни и те же. Ещё давили вечная напряжённость в связи с терактами и прочими опасностями, ощущение постоянно присутствующего где-то рядом подвоха, внимательно всматривающиеся в людской поток, чтобы время от времени кого-то из него выхватить, глаза милиционеров. В Лугани и Киеве атмосфера была явно спокойней. Там, конечно, тоже можно было легко сыскать неприятностей на свою задницу – но не в таких объёмах и при условии, что сам постараться. Здесь же поначалу было ощущение, что ходишь, как по минному полю. А главный и неисправимый дефект Москвы – дурацкие расстояния, неизбежно ведущие к изнурительной трате времени. Ездить в скученном метро вроде как не по статусу. А на машине – просто убийство времени.

Зато с досугом здесь был полный порядок. Развлечения, тусовки, приёмы... Ходи – не хочу.

Российским партнёрам бросать Селиванова на данном этапе было невыгодно. Он обеспечивал реализацию на украинской территории нелегально переправленного туда газа. Серьёзных проколов за ним не значилось. Существовало некое негласное разделение: российские партнёры по своим технологиям переправляли в Украину неучтённый газ, а Селиванов реализовывал его на украинской территории и обеспечивал поступление денег. Попробуйте-ка продать «левый» космический корабль. Нелегко будет. Сильно штучный и заметный товар. Но и приобрести такой корабль втихую тоже непросто. Схема работы с крупными партиями газа выстраивалась долго и замысловато. Это было сопряжено с огромными рисками. Такого рода риски возможны только ради очень больших денег.

Лет десять назад Селиванова неожиданно отыскал товарищ Тимофей Пасечник. Пригласил отужинать в одном из лучших ресторанов. Сергей тогда был водителем у одного из самых богатых людей в городе.

Отличный коньяк; отменный воздушный стейк из телятины, хранящий едва уловимые ароматы орехов, мёда и розмарина; в меру услужливый, приветливый официант с хорошим чувством юмора; смелые и короткие, как дуло пистолета, взгляды симпатичных ухоженных девушек из-за соседнего столика, искрящиеся смелостью и готовностью к весёлым романтическим приключениям; задушевные армейские воспоминания, – замечательная вечеринка, случившаяся просто так, на ровном месте! Впрочем, так, увы, в наше время уже не бывает. И на сей раз всё проступило уже после четвёртой стопки.

– Сведи меня со своим боссом – я хочу продать ему бизнес. Дело верное. А тебе за посредничество – червонец зелени, – Тимофей говорил как-то нервно, торопливо, хотя на встречу приехал на дорогом джипе, да и одёжка на нём была явно из дорогих магазинов.

Сергей слёту смекнул, что такие деньги под ногами не валяются и так просто не отдаются.

– Тёма, я тебе доверяю – не зря мы на срочной сдружились и давали отпор дедам, но шеф у меня, сам понимаешь, человек серьёзный, я своим положением рисковать не хочу и должен понимать, под чем подписываюсь. Так что за дело ты предлагаешь? – Селиванов чувствовал, что в его сети заходит крупная, хотя и неизвестная рыба и важно не продешевить.

– Это очень секретная тема, – Тимофей задумался и несколько минут молчал, было видно, что он колеблется.

– Ты не спеши, подумай, если что – звони, – Сергей напустил нарочитое равнодушие. – Сейчас мне некогда, еле вырвался тебя повидать. Спасибо, что вытянул. Да, и пусть малый счёт подтягивает – готов внести свою долю.

– Да брось ты, я пригласил, и мне приятно этим скромным ужином угостить друга, – Пасечник резко повернулся к Селиванову, улыбка куда-то испарилась, и теперь его лицо казалось особенно бледным и худым. – Поклянись мамой, что это навсегда останется между нами.

Необходимый клятвенный ритуал был исполнен, после чего Сергей услышал совершенно неожиданный для себя рассказ.

– Я хочу продать лицензию на добычу газа.

– С каких это пор у нас обнаружился газ? И это наверняка затратно, хлопотно и рискованно, вряд ли овчинка выделки стоит, а шеф такого рода бизнесы не переваривает.

– Да не спеши ты, выслушай, не перебивай. Газ в шахтных выработках у нас действительно имеется, хотя добывать его и вправду невыгодно. Пару лет назад, когда подо мной было несколько котельных, ко мне подкатили серьёзные ребята и предложили покупать газ вполцены, но за «нал». Будь это не газ, а товар или комплектующие, загнал бы деньги на обналачивающую фирму, с кем надо поделился и жил бы в шоколаде. Но газ – продукт особый. Всё сразу заметно. Тогда у меня и родилась идея. Учредил очередное ООО, через родственника в Киеве вышел на людей в министерстве и получил лицензию – денег взяли по-божески, понимая, что

дело-то не особо прибыльное. А мне главное было не добыча, а легализация источника происхождения этого самого газа. Для видимости я его добываю пару тысяч кубов, а по документам провожу в десятки раз больше. На самом же деле купил «левак» вполцены и продал уже по рыночной цене на свои же котельные. А поскольку возможности их потребления ограничены, еще на два предприятия стал газ поставлять. Правда, заинтересовал директоров – «откатывал» им 5 процентов.

– Не шибко ты их баловал.

– Зря ты так. Это для них бешеные деньги. Покупай они газ в другом месте по той же цене, ничего подобного им и не снилось бы.

– Ну, уж коль ты на такую жилу сел, зачем же продавать курочку, которая несёт золотые яички? Стало быть, есть тут какой-то подвох. Лучше честно скажи, мы же с тобой как братья.

– Сергей, у меня серьезные проблемы со здоровьем, – бледность и худоба Пасечника теперь проступили более наглядно, – времени осталось не так много, хочу успеть всем распорядиться по-людски. Дети – их двое плюс старший от первого брака – кто их поднимет, образование даст? Старенькие родители – отец почти не видит, мать после инсульта, еще родня, друзья. Хочу и для детдома, чтоб детишки не так нуждались, фонд создать, и на нашу больницу денег перевести, чтобы аппаратуру купили, на специалистах не сэкономили и таким, как я, вовремя могли помогать.

Когда Пасечника не стало, его армейский друг Селиванов, с которым они в последний месяц много общались, взял на себя и организацию похорон, и изготовление памятника, торжественно пообещал помочь детям с учёбой.

Бизнес оказался действительно очень специфическим. Селиванов его умело распылял, конспирировал и развивал. Но ему не хватало масштаба. Чтобы выйти на новый уровень доходов, нужны были иные деньги, возможности и технологии, чем те, которые он имел. Он не мог пока рассаживать своих людей в министерские кресла, внедрять на руководящие посты в силовые ведомства, не мог «светить» все свои доходы. Но он чувствовал, что всё это где-то рядом. Нужно сделать скачок. За счёт чего? Да, он понимал, что основной доход уплывает сейчас его российским партнёрам. Тем более что им удалось вначале присадить его «на тему», а потом поджечь его долю доходов – что называется, перекрыть кислород. Получить доступ к ресурсу, технологии и секретам по ту сторону границы теоретически было возможно, но реально предполагало очень большие вложения и риски без каких-либо гарантий успеха.

Сначала нужно было незаметно увеличить свою часть дохода здесь, на украинской территории. И главное – получить доступ к специальным возможностям по созданию замкнутых технологий. Когда теплосети, которыми ты руководишь, покупают газ у предприятий, которые ты контролируешь, кредитуются в твоих банках, страхуются в твоей страховой компании и т. д. Тогда все эти ручейки доходов, не бросающиеся в глаза, но при правильной режиссуре создающие мощный финансовый поток, выводят тебя на новый уровень управления деньгами, людьми, силовиками, криминалом – да всем на свете. Вс-е-ем!

Именно победа на выборах в ряде крупных городов открывала новые возможности для сплетения в единую паутину всех этих бизнесов – с совершенно новым уровнем дохода на выходе.

После прокола в Лугани несколько лет назад Селиванов от этой идеи не отказался – зализал раны, сделал выводы и затаился в ожидании удобного момента для очередного прыжка. Уж в этот раз он перегрызёт горло любому, кто встанет на пути.

Контора, которой он руководил, – некое предприятие с солидным названием «Трансгазсервисгруп» – была официально аккредитована в газовом монополисте и являлась подразделением его дочерней структуры «Ингаз». При этом «Трансгазсервисгруп» не являлся публичным, не имел своего сайта, но значился среди десятков прочих структур в справочниках газового ведомства. На своих бланках фирма Селиванова именовала себя представителем газо-

вого гиганта по экспортной политике в страны СНГ. А на визитке и в удостоверении Селиванов, оглядевшись и обзаведясь связями, стал обозначать себя консультантом по связям с Украиной. А главное, его новое удостоверение открыло возможности посещать центральный офис газового монополиста – государства в государстве. Экскурсии сюда могли бы запросто переплюнуть по популярности экскурсии в российскую Госдуму. Особенно если бы кто-то вскрыл подноготную того, что происходило в этих стенах.

Когда каждый из семнадцати членов правления только официально получает более двухсот тысяч долларов в месяц – тут есть, за что бороться. Это как стать в советские времена членом политбюро.

В Украине даже не было аналога российского газового ведомства. Неким подобным центром финансового влияния и сосредоточения средств могло считаться разве что украинское министерство транспорта – разумеется, с уменьшительной поправкой на масштаб.

При всей внешней демократичности на «территории коммунизма», придуманной идеологами газового гиганта, были свои рестораны, магазины, своя медицина, спортивный центр, цветочный магазин – всё, чтобы жить здесь, не соприкасаясь с внешним миром. Тем не менее служба безопасности газового монстра – это КГБ в квадрате, с поправкой на современные технологии и возможности, которое сохранило полный набор инструментов психологического управления личностью. Этой службе известно о приближённых к золотой поилке практически всё: каждое прикосновение к клавиатуре компьютера, телефонные звонки, данные камер видеонаблюдения, контакты, пороки, слабости, увлечения, все финансовые операции, траты – не только сотрудников, но и членов их семей. Всё аккумулируется на специальном сервере, анализируется с помощью целой системы программ, вылавливающих любые совпадения, несоответствия, критично зашкаливающие показатели, после чего разносится по специальным папкам. Можно запросить, к примеру, сколько человек за год пользовались услугами проститутки, и получить статистику и в разрезе подразделений, и в динамике, и по дням месяца, и в процентном отношении подобных затрат к общим затратам сотрудников. Но эта информация, конечно, имеет программы суперзащиты и самоуничтожения.

Мало кто задумывался над таким парадоксом: почему в течение стольких лет не было практически никаких скандалов, громких уголовных дел с участием руководства структуры? Неужто там другие – не наши – люди работают? Неужто им чужды коррупция и воровство? При таких-то масштабах и возможностях. Или какая-то невидимая сила удерживает полнейший контроль над ситуацией, гарантирует неприкосновенность со стороны силовых структур, регулирует и дозирует весь выход информации?

С другой стороны, что ни курортный уголок, там под эгидой газового монстра обязательно строится роскошная, баснословно дорогая резиденция. Якобы дача для Самого-Самого. Хотя он вряд ли о половине таких мест знает. И схема строительства везде просматривается похожая. Вначале заключается подряд с именитой европейской фирмой по её расценкам, потом договоры на выполнение работ уходят куда-то в бывшую Югославию, а затем трудиться, но уже за копейки, приезжает всё тот же украинский, молдаванский, турецкий или другой гастарбайтер. И что тут непонятного? Одна сделка, один платёж – и вся сумма на нужном счёте. Зачем воровать по мелочам? С теми, кто такими нехорошими делами занимается, и должны бороться доблестные правоохранительные органы. Маленький человек, поставляющий лампочки в структуру, или поставщик сантехники – да это же уважаемые, проверенные люди, уже привыкшие к вышколенной прислуге, «мерседесам» и загородным домам в радиусе двенадцати километров от Белокаменной. Впрочем, всё это такие мелочи...

Поскольку финансирование затрат на «Трансгазсервисгрупп» осуществлялось за счёт российской стороны, Селиванов не видел особого смысла их ужимать. С другой стороны, аккуратно прошерстить персонал и по возможности прибрать его к рукам он запланировал в ближайшее время. И Сергей Николаевич Селиванов, ставший теперь Сергеем Борисовичем

Семёновым, первый месяц присматривался к публике. Фамилию он специально выбрал не редкую, а относительно распространённую – так меньше шансов «спалиться». Кроме того, две первые буквы соответствовали и началу его имени, и началу бывшей, вернее, настоящей фамилии – очень удобная ассоциация для запоминания, чтобы не ошибиться в критической ситуации. К тому же Юлиан Семёнов был одним из немногих писателей, запомнившихся Сергею, не особо увлекающемуся литературой. И фамилия Семёнов всё же, казалось ему, звучала несколько благородней, чем простенькая Иванов.

На новом месте работы перекрёщённый в галстучного шефа Сергей Борисович Семёнов не панибратствовал, держал дистанцию. Потом решительно взялся за инвентаризацию личного состава. Со всеми пообщался. Демократично, по-дружески, для каждого нашёл персональные слова похвалы. Заодно прошупал, кто чем дышит, кто по чьей протекции получает здесь жалованье. Расклад получился такой. В конторе, которую он получил в управление, сидела весьма специфичная и разношерстная публика: несколько умников-пахарей; стайка прохиндеев топ-менеджеров, научившихся надувать щёки и дрейфовать от одного злачного места к другому; блатные и оттого напустившие на себя статус неприкасаемых чьи-то дочери, племянники и т. п.; а также ещё несколько человек, делающих вид, что таковыми являются, хотя на самом деле оказались здесь случайно или их связи уже давно сгорели.

Изначально Сергей Борисович взялся за умников, привыкших к определённой степени свободы и независимости. Каждого он заставил писать ежедневные отчёты о проделанной работе, разного рода справки, обоснования, предложения. При этом все они стали получать множество нереальных заданий. Разумеется, качественно выполнить такой объём работы было невозможно физически. Эволюция заносчивых гениев происходила быстро и показательно. Семёнов мастерски развивал у них комплекс неполноценности. Двое запили и были уволены, ещё один начал всячески угождать, был унижен, помилован, после чего посажен на короткий поводок. Великие московские топ-менеджеры – особое сословие. Берутся за выполнение любых задач, умеют красиво рассказать, посыпая речь умными терминами, пообещать любой результат. И попросить под это достойное жалованье – как минимум, тысяч в шесть-семь американских денег. Мол, мы же серьёзные люди, под ваши великие задачи вам нужен суперспециалист, а я на рынке стою дорого, но это мелочи по сравнению с результатами, которые вы получите, так что не будем мелочиться. Продержался месячишко – и очередная кругленькая сумма капает в карман. А когда спросят результат, можно сослаться на недостаточность финансирования проекта, слабую поддержку, изменившиеся рыночные условия – да мало ли? – и уйти, ещё и хлопнув дверью на прощание, чтобы потом спокойно дожидаться доступа к очередной такой кормушке. Расставание в таких случаях проходит обычно тихо и мирно – никому не охота признаваться, что он «лопухнулся» и был «разведен» наглым «топом».

Семёнов быстро вывел топ-менеджеров на чистую воду и подчинил всецело. Один из них, Куприянов, после очередной летучки подошёл к суровому начальнику и попросил о личной аудиенции.

– Ну, если в пару минут уложишься, заходи прямо сейчас, – Сергей Борисович с любопытством смерил взглядом подчинённого.

– Сергей Борисович, мой дядя Иосиф Моисеевич – совладелец и директор ресторана «Алёнушка» на Чистопрудном бульваре. Вам ведь часто приходится проводить деловые встречи. У них всё очень изысканно, есть несколько уютных кабинетов.

– Куприянов, вам впору в рекламные агенты идти, излагайте суть без лишних заходов. Я бывал в «Алёнушке».

– Тем более. Вот скидочная карточка на 50 процентов. Такая будет только у вас и учредителей, – Куприянов облегчённо расслабил лицо слабой улыбкой ученика, довольного тем, что на экзамене удалось протараторить без запинки выученное накануне ненавистное стихотворение.

– Это и весь твой важный разговор, из-за которого ты украл целых четыре минуты моего утреннего времени?! – Семёнов выглядел разъярённым. – Учишь вас, учишь. Набрали детей во флот – и готовь им манную кашу. Ладно, давай свою хваленую карточку – у меня такими целый отсек бумажника забит, авось пригодится...

Бизнес, которым занимался Сергей Борисович, был тщательно законспирирован. Если сравнить его, например, с сокровищами, спрятанными в какой-нибудь замаскированной пещере, то девять десятых карты, ведущей к кладу, находилась у московских коллег, и только маленьким ее кусочком владел сам Семёнов. При этом он отлично понимал, что без московских партнёров его бизнес существовать не может, что его весовая категория на порядок ниже, но упорно держал свой кусочек под замком. Россияне под разными предложениями пытались заставить его выложить всю схему, все связи, всех людей, в ней задействованных. Однако он на это не шёл, мотивируя тем, что подобная информация при любой утечке грозит общей безопасности.

Но, коль уж судьба забросила его в Белокаменную, коль он получил доступ к коридорам самой известной в мире 36-этажки, кто знает, может, случай подарит ему шанс. И тогда его «шестёрки» будут именно той картой, которая поможет сыграть мизер. Главное – не спешить и не рисковать без нужды.

Потихоньку он присматривался и к суперструктуре, с которой имел дело. Две службы и, соответственно, два руководителя интересовали его особенно: бюро контроля технологических потерь и управление пультовой системой. Оба подразделения имели своих аналитиков, ревизоров, экспертов, а бюро контроля – ещё и собственную мощную передвижную лабораторию.

Без их участия в деле схема не работала бы. Стало быть, есть человек, который даёт санкцию пропустить тот или иной неплановый объём газа, завысить на две сотых процента технологические потери. Более того, после пересечения границы «Ингаз» определённым образом отбирает свой газ вместе с этими самыми дополнительными потерями.

Понятно, что все эти тайные распоряжения отдаются устно. Степень секретности и доверия к властной вертикали таковы, что вряд ли их подлинность кем-то проверяется. А что, если начальник службы отдаст от своего имени дополнительную команду прогнать и списать на потери ещё некоторое количество голубого топлива? Нужно выяснить, на каком уровне даётся санкция и в курсе ли этих операций вездесущая служба безопасности. В любом случае, чтобы пойти на такой рискованный шаг, у руководителя подразделения должен быть суперсерьёзный мотив.

Начальник управления пультовой системы Макарец являл собой образец современного человека в футляре. Семёнов давно подметил: нарочито правильные люди надевают эту маску, потому что боятся проявления каких-либо нежелательных пороков, которые стараются всячески скрыть. Макарец, судя по цвету лица, здоровой коже и отсутствию мешков под глазами, спиртным не злоупотреблял.

Неудобство положения Сергея Борисовича состояло в том, что особо тайные поручения здесь давать было некому – можно было легко погореть. Поэтому ему лично пришлось потратить на изучение личности Макареца немало времени. Что ж, в отдельных случаях придётся вызывать в командировку помощника из Украины. Хотя это и недешево, но человек проверенный, да и задачи ему ставятся через интернет – никакого личного контакта.

Макарец отличался умеренностью, железным самообладанием в отношениях с подчинёнными. Всегда был осторожен и корректен, деньгами не сорил и, судя по всему, левых доходов не имел. Близорукий очкарик мало что различал на дистанции свыше десяти метров, что облегчало визуальное наблюдение за ним.

Изучив в течение месяца маршруты передвижения Макареца, Семёнов вышел на ресторанчик, в который тот всегда заезжал по четвергам поужинать. Самое любопытное, что Мака-

цев предпочитал ужинать не в общем зале, а в кабинете для VIP-персон. Только вот странная закономерность: каждый раз – в обществе юного спутника, на вид студента. Семёнов насчитал таких юношей трое. И какие у Макарецва с этими желторотыми мальчиками могут быть дела? Случаи бывают всякие, но тут какая-то система. С одним из них Сергей специально столкнулся на лестнице. Блондин лет девятнадцати с голубыми глазами, пухлыми губами, бело-розовой, не тронутой загаром нежной кожей, аккуратно подстриженный, чистенький, ухоженный. Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы сделать жуткое предположение. Нью-ню... Неужели наш Макарецв – любитель мальчиков? Впрочем, если эту информацию он, Селиванов, то есть Семёнов (Сергей всё больше вживался в новую фамилию, начиная ощущать себя именно этим, другим, человеком), смог добыть в одиночку и без сверхусилий, ею наверняка располагает и служба безопасности, которая держит всех сотрудников на крючке. Сделать соответствующие записи не проблема. Стало быть, нужно копать глубже. Дабы подчинить Макарецва, необходимо располагать более сильным, чем у особистов, компроматом. Но пока, чтобы подтвердить догадку, следовало установить аппаратуру в чужом помещении. Даже если оно и не оснащено камерами наблюдения – это весьма рискованная затея.

Как-то вечером Семёнов, принимая очередной отчёт от Куприянова, вдруг вспомнил:

– Кстати, скажи своему дяде, пусть сделает мне ещё одну скидочную карточку в «Алёнушку».

– Конечно, Сергей Борисович.

– Ты не дослушал: карточку на семьдесят процентов скидки.

– Но... если он сможет, – Куприянов был в явном замешательстве, – у них таких скидок не бывает...

– Сможет, не разорится, частить туда никто не будет – некогда, так что не объедят дядюшку твоего. В крайнем случае, из своей красивой зарплаты компенсируешь. Тебе в прошлом месяце, если память не изменяет, доплатку за совмещение провели?

– Да, конечно, безусловно, я благодарен, я постараюсь, вернее, мы всё сделаем.

– Ну и молодец. Иди отдыхай. Смотрю, выглядишь как новый пятак – на гульки небось собрался?

– К другу на день рождения.

– Ну и чудно... Много не пей, мало – тоже, – Сергей Борисович заканчивал день в хорошем расположении духа.

* * *

После выходных Валентин Петрович Макарецв выезжал из загородного домика в Перхушково всегда в одно и то же время, в половине седьмого утра, дабы успеть проскочить на работу до пробок. И это ему всегда удавалось – за двадцать два года безупречной службы в газовом ведомстве он никогда не опаздывал.

С водителем Иваном Павловичем – малоразговорчивым, преданным, очень уравновешенным и искусным в вождении – они проработали вместе уже восемнадцать лет и понимали друг друга с полуслова. Павлович ценил то, что Макарецв вёл его за собой, поднимаясь по карьерной лестнице. И сейчас дядя Ваня, как его с удовольствием именовали друзья и родня Макарецва, заранее включил «Рапсодию» – любимое радио шефа – и обдумывал, когда лучше затеять разговор о помощи с трудоустройством старшей дочери.

Несмотря на раннее утро, автомобили энергично двигались в столицу плотным потоком, обозначая себя в ещё не развеявшемся после ночи тумане огоньками фар. Прошло всего несколько минут, и перед чёрным «мерседесом» Макарецва ни с того ни с сего резко затормозили и стали как вкопанные двигавшиеся перед ним старенькие «жигули». Опытный водитель Иван Павлович среагировал молниеносно, но полностью избежать столкновения в данной

ситуации не смог бы даже Шумахер. Водитель «жигулей» – длинный, словно вытянутый, сухощавый мужчина лет сорока пяти с трёхдневной щетиной – не излучал ни приветливости, ни запаха французского парфюма.

– Собака прямо под колёса – еле успел тормознуть, – пробурчал долговязый и закурил какие-то вонючие сигареты. – По правилам – вина ваша...

Вот и начало трудовой неделки! Теперь предстояла препротивнейшая волокита с ожиданием автоинспекции, оформлением разного рода бумаг, страховых документов. Макарец почувствовал неизвестно откуда свалившуюся на него перспективу впервые в жизни опоздать на службу. Иван Павлович тоже погрузился, поскольку в свете новых обстоятельств разговор об устройстве на работу дочери в ближайшие дни затевать уже было явно не с руки. Вот тебе и проблема – из ничего, на ровном месте. Из-за какой-то собаки. Если она, конечно, была – поди проверь...

Двигавшийся за «мерседесом» Макарецва серый «опель» тоже остановился и включил «аварийку».

– Помощь нужна? Хорошо, хоть мы вас в зад не догнали – водитель среагировал. А ехали бы на пару метров ближе, тоже б загорали, – вышедший из «опеля» плотного сложения, ухоженный, энергичный мужчина лет пятидесяти, всем своим видом демонстрировавший уверенную поступь по жизни, явно выражал поддержку и сочувствие. Стильный галстук на фоне белоснежной рубашки и дорогой костюм производили хорошее впечатление и должны были характеризовать того, кто их носил, как человека с определённым статусом.

– Извините, если не ошибаюсь, видел вас в башне на Намёткина. А я тоже работаю в структуре – руковожу подразделением «Ингаза». Главное, что все живы и невредимы, а железо – оно и есть железо, – Семёнов доверительно-подбадривающе обращался к Макарецу, невольно оказавшемуся в непривычном для себя статусе участника какого-то дурацкого происшествия.

– Вот так планируешь, планируешь, – продолжал Семёнов, не обращая внимания на хранящего молчание Макарецва, – а какая-то непредсказуемая, невероятная мелочь, в данном случае безмозглая бродячая собака, пускает все твои умные, выверенные планы под откос. Это не на один час. Ничего, водитель разберётся. Садитесь, подвезу.

– Да нет, спасибо, я вызову машину, – осторожный Макарец не любил импровизаций и случайных знакомств.

– Конечно, конечно, – Семёнов чувствовал, что педалировать ситуацию не стоит, решение Макарецв должен принять сам. – Просто час пик, быстро не приедут. А у нас утром тоже час пик – встреча на встрече. Ну, удачи вам, – Сергей Борисович подал Макарецу руку. Тот совершил краткое рукопожатие без особого энтузиазма и вытянул телефон, дабы нажимать кнопки и посылать осколки своей проблемы кому-то ещё, но, видимо, реально прикинув и оценив перспективы потерь золотого утреннего времени, быстро изменил тон и направился к машине Семёнова.

– Пожалуй, вы правы, это может затянуться, так что воспользуюсь вашим предложением, – Макарецу не очень хотелось с кем-то знакомиться и ехать в чужом автомобиле, но опаздывать не хотелось ещё больше.

– С меня причитается, – Валентин Петрович не любил быть должником. – Предпочитаете виски или коньяк?

– Да бросьте, такие мелочи, мы же коллеги, я – Семёнов Сергей Борисович, можно Сергей, – Селиванов умел быть добряком, но, заметив, как недовольно напряглось лицо Макарецва, видимо не привыкшего к возражениям тех, кто находился ниже него в служебной иерархии, дружелюбно добавил: – Хотя добрый виски со льдом под беседу с хорошим человеком, кто из нас, мужиков, не любит? Кстати, пользуясь случаем, хотел у вас поинтересоваться...

– Вот и чудно, – Макарцев не стал дослушивать фразу Семёнова. Кроме того, он не любил, когда ему задают вопросы. Он предпочитал задавать их сам. Ещё в студенческие годы Валентин Петрович сделал простое открытие – задающий вопросы как бы наступает. А отвечающий – обороняется. О том, что шеф не терпит всякого рода расспросов, хорошо знали все его подчинённые. – Мне как раз наш представитель в Ирландии вчера презентовал, мой секретарь вам передаст. Кстати, нельзя ли включить «Рапсодию» – мне без неё по утрам в машине никак.

Когда зазвучало радио, Макарцев довольно прикрыл глаза, давая понять услужливому, но слегка назойливому коллеге, что не расположен к дальнейшему общению.

* * *

Вечером Семёнов велел принести личные дела сотрудников и долго их просматривал. Потом отложил в сторону, не найдя ничего подходящего. Вдруг он резко оживился и повторно вытянул одну из папок. «Радио... Он слушает «Рапсодию» в машине каждое утро, как прихожанин священника. Призы. Анкета... Может сложиться! Во всяком случае, стоит попробовать», – Семёнов довольно прищурился.

На следующий день во время обеда он оказался за столиком с одним из своих менеджеров.

– Кстати, Кирилл, – Сергей Борисович посмотрел на сотрудника, словно что-то вспомнив, – это идея, возможно, именно ты и сможешь мне помочь в одном деликатном вопросе.

– С удовольствием! – удружить шефу, которого боишься и тихо ненавидишь, очень даже приятно: авось зачтётся и он, наконец, станет меньше тебя гнобить.

– У тебя жена ещё работает на радио?

– Ну да.

– У меня есть один хороший знакомый – он очень скромный. А мне хотелось бы сделать ему ко дню рождения сюрприз. Он по утрам с семи до без четверти восемь слушает «Рапсодию». Там разыгрывают для слушателей разного рода призы. Сам он, конечно, никуда звонить не будет. Но если устроить розыгрыш призов по случайно определённым цифрам номеров телефонов, и он услышит свой номер в эфире любимого радио среди выигравших, то и к сообщению с радиостанции отнесётся с доверием. А вручить ему от спонсора – ресторана «Алёнушка» – нужно вот эту скидочную карточку.

– Как-то замысловато. Но я посоветуюсь. Главное, что спонсор и приз уже имеются.

* * *

На звонки с незнакомых телефонных номеров Макарцев принципиально не отвечал. Телефоны всех вышестоящих начальников были забиты в его мобилку, а изменения в них ежедневно вносила секретарь. Кому положено, всегда смогут быстро связаться с ним через приёмную или дежурного по ведомству. Но, услышав в эфире, что его номер выиграл суперприз от спонсора передачи ресторана «Алёнушка» и получив SMS-сообщение от любимого радио, Валентин Петрович всё же перезвонил. Да и столь солидный дисконт в один из лучших ресторанов столицы никогда не будет лишним.

Глава 4. Мобилка – находка для сыщика

Геннадий Андреевич запаздывал на двадцать минут, но Черепанов, будучи человеком пунктуальным, который в таких случаях никогда не давал спуска подчинённым, отнёсся к этому факту философски: в данном случае он выступал в роли просителя.

Наконец в заведение вошёл седоватый, в меру загоревший, подтянутый мужчина лет сорока пяти на вид, хотя на самом деле Сердюков недавно отметил полувековой юбилей. Он даже не замедлил шаг, чтобы отыскать взглядом в полумраке зала спрятанный за колонной столик, за который присел Черепанов. Геннадий Андреевич подошёл твердой, быстрой и вместе с тем не привлекающей внимания походкой, словно только что вернулся с перекура, и пожал руку Ивану. Одет Сердюков был неброско, но стильно – в тёмно-синий костюм поверх лёгкого синего, с тонко очерченными малиновым ромбами свитера. Хорошие часы на чёрном кожаном ремешке и матовые, словно только что снятые с витрины обувного магазина кожаные туфли дополняли его образ. Принадлежность к силовым структурам выдавали разве что выправка и цепкий взгляд.

– Рад видеть, но коль у нас встреча в таком месте, вопрос у тебя наверняка деликатный.

– От вас ничего не утаишь, Геннадий Андреевич, как обычно – в точку, – Иван опустил взгляд на чашку, рассматривая образовавшуюся на поверхности напитка радужную плёночку – признак качества чайного листа. – Есть проблемы.

– А когда у тебя их не было? Жизнь так устроена. С одними проблемами идут к докторам, с другими – к нам, так что выкладывай, не стесняйся.

– Меня обокрали.

– Много?

– Один миллион. Наличными. Долларов.

– Тянет на сенсационный спецвыпуск на твоём телеканале. Иван, ты меня всегда поражал количеством и качеством своих проблем. Ну что за способность у тебя: в такие ситуации попадаешь – специально не придумаешь. Итак, обокрали тебя, а деньги, как я понимаю, не совсем твои. Вернее, совсем не твои, так?

– Есть немного, но здесь не совсем обычные обстоятельства. Эти деньги вынес из хранилища банка один аферист. Мы располагаем его анкетными данными, да он, собственно, вообще не маскировался. О нём известно почти всё, но тем не менее он пропал вместе с деньгами. Я бы не хотел пока давать официальный ход этому делу, мне нужна помощь в некоторых вопросах оперативной разработки.

– Я не могу так, Ваня, мне требуются основания для оперативной разработки, иначе – незаконная слежка, превышение служебных полномочий и всё такое, ты же знаешь наши правила. Пойми, мы не частное сыскное агентство. Если не хочешь перед нами открывать карты, проведи своё журналистское расследование, в конце концов. Среди вашей братии нынче модно блеснуть смелостью и смекалкой, дабы показать бездарность отечественных ментов.

– Хорош издеваться, Геннадий Андреевич, над опростоволосившимся другом, мне сейчас не до шуток. Основания будут, как только я пойму, почему он действовал так нагло, в открытую, какими мотивами руководствовался. Нужно быть либо отчаянным рецидивистом, либо загнанной в угол крысой, чтобы пойти на такое.

– Выкладывай подробности, а я решу, как правильно это исполнить. Рассказывай в деталях и не пытайся что-то умолчать или приукрасить.

Следующие двадцать минут Иван потратил на повествование о том, как управляющий СФТ-банком Семён Портной, он же главный финансист-распорядитель предвыборного окружного штаба, умудрился упустить из охраняемого людьми и электроникой помещения блестящий чемоданчик с деньгами.

– С тобой свяжутся, Иван Сергеевич. Человека зовут Георгий, Жора Евстифеев. Молод, недавно капитаном стал, но пусть тебя это не пугает – один из моих лучших ребят.

– Благодарен чрезвычайно, товарищ подполковник. Найдём деньги – с меня патрульный автомобиль, – Иван пожал увесистую руку собеседника.

– Поможем тебе, конечно, Ваня, но если все твои залёты оценивать автомобилями, то гараж УВД не нуждался бы в обновлении ещё несколько лет.

* * *

Капитан милиции Георгий Евстифеев внешне пока никак не соответствовал фонетическому звучанию своего исторического имени. Узкие запястья рук, интеллигентное лицо, подчёркнутое тонкой металлической оправой очков, аккуратная стрижка и затянутый на последнюю дырочку ремень, собравший в гармошку несколько великоватые брюки, ставили в тупик его собеседников, когда Жора доставал удостоверение. Полное несоответствие образа и содержания.

«М-да... Ну, наверное, подполковник знает, что делает... – Черепанов испытал искреннее удивление, когда вместо коротко стриженного крепыша к нему в качестве оперативного сотрудника пришёл студент. – Шурик. Вылитый Шурик из «Кавказской пленницы», может, даже ещё моложе будет».

Иван предложил гостю присесть в кресло.

– Я вкратце ознакомлен с сутью вопроса, мне нужны подробности, Иван Сергеевич, – молодой человек расстегнул папку и достал чистые лисы бумаги. Такие папки в руках участников – орудие труда и неременный их атрибут. Жора мог и не занимать свои руки ношением этой обузы, его память позволяла хранить всё – колоссального объёма фактаж вместе с интонациями, которыми он был преподнесен, но для себя он завёл правило: делать записи и периодически их просматривать. Иногда в самом неожиданном месте, глядя на два листа одновременно, он мог сделать открытие, найти несоответствие в мотиве и действии, задать себе парадоксальный вопрос.

– Для начала готов предоставить копию личного дела нашего «героя», – Черепанов протянул пластиковый файл. – Также у нас имеются записи с камер наблюдения банка – их вы тоже получите. Ну и наконец, стоит опросить непосредственно потерпевшего. Семён Григорьевич Портной – человек, который ответит на все интересующие вас вопросы. Он прибудет с минуты на минуту.

В ожидании Портного Жора внимательно изучал дело Царькова. Попивая чай с лимоном, предложенный гостеприимным хозяином, он не отрывал взгляда от текста.

Просмотр видеозаписи происходил уже в присутствии управляющего и под его комментарии.

– Задача ясна, через четыре дня, в пятницу, доложу результаты, – молодой человек застегнул папку и, пожав руки заказчикам и одновременно участникам этой запутанной истории, покинул кабинет Черепанова.

– Ты уверен, что этот юноша в состоянии нам помочь? Такое ощущение, что его прислали к нам вместо практики в институте внутренних дел, – Семён Портной отработанным движением отправил дужку очков на то место, где ей надлежало находиться.

– После твоего прокола, Сёма, я уже ни в чём и ни в ком не уверен. И в себе тоже. Ты деньги нашёл на завтра?

– На завтра не получается, наши процедуры так быстро не проходят.

Вопрос пополнения очищенной кассы окружного избирательного штаба стоял весьма остро. Контрагенты Черепанова с нетерпением ожидали старта избирательной кампании. Для них это было сродни путины у рыбаков. Сидишь сутками на берегу, ждёшь назначенного дня,

который потом год прокормит, и, естественно, ни о каких отсрочках платежей речи быть не может. Не платишь ты – заплатят твои конкуренты, а это могло слишком болезненно сказаться потом и на рейтингах, и на результатах кампании.

Вот уже второй день Иван перебирал в своей памяти и памяти своего мобильного телефона имена людей, которые могли бы ему помочь, но искомой суммы не набиралось, а предлагаемые сроки займов были критично малы. Времени и вариантов для выбора не оставалось. Черепанов искренне ненавидел как одалживать деньги у кого-то, так и одалживать кому-то. С детства ему врезались в память наставления набожной бабушки, которые та давала семье: если у вас кто-то попросит займы, дайте столько, сколько готовы с любовью и лёгкостью этому человеку подарить, и считайте, что подарили, забудьте о них, а отдаст – хорошо. Но в данной ситуации иного выхода, кроме как пойти с шапкой по кругу вопреки собственным правилам, не просматривалось. Уже было очевидно, что на сей раз придётся собирать дензнаки у разных людей, в разной валюте и тратить на это личное бесценное время. Сначала договариваться о встречах, потом убеждать, давать гарантии, получать, менять, развозить, а придет время – производить обратные процедуры возврата. В результате все эти дурацкие хлопоты заберут усилия и время, которые могли бы пойти собственно на зарабатывание денег. Если бы, конечно, они с Портным не попали в эту передрагу. Но выбора не было. Таков единственный путь выхода из лабиринта. В конце концов, испытания бывают разные, и за всё в жизни нужно платить. Чем выше прибыль – тем выше риски и тем острее вкус удачи. Черепанов вдруг вспомнил из детства слова любимой бабушки: «Бог никогда не даёт человеку испытаний больше, чем он может выдержать. Это только кажется, что чужой крест легче...» И этот меседж его неожиданно успокоил. Прорвёмся!

* * *

Жора Евстифеев по привычке сел на второй стул слева у длинного стола, линия горизонта которого заканчивалась фигурой его начальника, подполковника Сердюкова. Геннадий Андреевич полностью соответствовал своей фамилии. Услышать от него похвалу подчиненный мог крайне редко, а признаком положительной оценки являлось отсутствие замечаний.

Оперативники, прибывшие на утренний разбор полётов, достали свои бумаги, расселись по местам и приготовились получать вводные по вчерашним происшествиям. Сердюков, согласно устоявшейся годами традиции, вслух зачитывал сводку: «Угнано два автомобиля: ВАЗ-21074 и BMW-X5 белого цвета. BMW увели в период с 22:15 до 07:00 с территории неохраваемой стоянки во дворе дома № 17 по улице Мира».

Сердюков снял очки и обратился к подчинённым:

– Это второй угон за четыре дня, похоже, к нам прибыли гости узкой специализации. Подключите ГАИ, пусть каждую ночь отрабатывают X5. По первому угону есть подвижки? – вопрос был адресован сотруднику, отвечавшему за это направление.

– Рассматриваются две версии: угон и имитация угона. В автомобиле находился портфель с бухгалтерскими документами. Мы склоняемся к имитации – машина застрахована от всего на свете. Отработали разборки, сейчас шерстим гаражные кооперативы.

– Занимайтесь. Две таких машины подряд – это не похоже на случайность, – подполковник взял сводку в руки и продолжил: – Общежитие медицинского института. Падение с восьмого этажа, женский групп. Девочке было девятнадцать лет, студентка стоматологического факультета. Что скажете?

– В комнате проживала с подругой, учились на одном курсе. На момент происшествия ее не было в общежитии. Криминалисты дали заключение, что в крови погибшей обнаружен алкоголь, полового акта не было, похоже на несчастный случай. Или самоубийство. Проверяем связи, друзей, всех, кто вчера ночевал в общежитии. Вахтёра сейчас опрашивают.

– Пожар на улице Гагарина, частный сектор. Два трупа.

– Поджог с целью скрыть следы. Результатов экспертизы ещё нет, но и ежу понятно, что очаги возгорания одновременно в трёх местах так просто не возникают. Погибшие: мужчина и женщина 1969 года рождения. В комнате – следы борьбы. По показаниям соседей, задержан знакомый погибших, вчера они вместе пили.

Перечня серьёзных неприятностей, постигших за минувшие сутки жителей Луганя, хватило ещё на пятнадцать минут обсуждения. Получившие задания офицеры практически одновременно встали, продолжая обсуждать между собой перспективы сегодняшнего розыскного дня.

– Георгий, задержись, – Сердюков указал рукой на ближайшее к столу место.

Последний выходящий участник оперативки плотно закрыл за собой дверь.

– Что узнал по Царькову?

Евстифеев раскрыл папку, быстро перебирая стопки исписанной бумаги, нашёл два нужных листа, положил перед собой и начал доклад:

– Царьков Антон Владимирович, уроженец села Степное Луганьской области, 1985 года рождения, не судим. Зарегистрирован в Лугани по адресу: улица Весёлая, дом 65, квартира 4, где проживает с матерью Ольгой Александровной. Отец до сих пор проживает в Степном, после развода родителей они уже много лет не общаются. На работе взысканий не имел. Близко ни с кем не сходил, время коротал или в машине, или на посту охраны. Всё больше читал, в основном газеты разные: «Факты», «Команда», «Труд», очень любил журнал «За рулём». Одевался не богато, но опрятно. Имеет личный автомобиль «Шевроле Авео», приобретенный полгода назад. Часть его стоимости – кредит в СФТ-банке. Обедал всегда в столовой этого же банка. В день ограбления домой не появился, отключил мобильный телефон, в дальнейшем включение этого номера сеть не зарегистрировала.

– Дома у него был?

– Конечно, Геннадий Андреевич. Семья не из богатых, обстановка в квартире древняя. Из достойных вещей только компьютер и телевизор. Его мать нервничает, собиралась обращаться в органы. Раньше за Царьковым никогда не наблюдалось ни загулов, ни пропаж, ни непредсказуемых поступков. Она уверена, что с её сыном случилось что-то нехорошее. Ведёт себя искренне, убивается. Утверждает, что за последние несколько месяцев сын сильно изменился. Стал замкнутым, раздражительным, постоянно пребывал в плохом настроении, но причины своей подавленности обсуждать не желал. Она считает, что это связано с его девушкой. Царьков строил планы на женитьбу, но маме свою избранницу так и не представил. Постоянно говорил, что ещё рано. Знает только, что её зовут Полина.

Георгий сложил листы и повернулся к подполковнику.

– Это всё?

– Так точно, Геннадий Андреевич, пока всё.

– Негусто. Совершенно негусто. Плохо. Медленно. Как намерен действовать дальше?

– Принял от матери заявление о пропаже Антона Царькова. Это позволит легально отслеживать звонки на её номер. Распечатка звонков за вчерашний день у меня на руках, начал обработку.

– О всяком продвижении информировать меня лично.

– Есть, товарищ подполковник.

«Товарищ подполковник, – мысленно повторил про себя Сердюков, – раньше, в советские времена, слово «товарищ» как общепринятое обращение являлось одним из самых распространённых. А теперь всё меняется. Множество новых слов придумывается искусственно. В России уже и слово «милиция» отправили на свалку истории, заменив иностранным «полиция», могли бы в таком случае и «жандармерию» реанимировать. А вот любопытно, что,

несмотря на все новации и изменения курсов, люди в погонах обращение «товарищ» сохранили. Привычное, простое, открытое – как без него?».

Обработка звонков заняла у Георгия почти целый день. Стол был завален листами с распечатками телефонных разговоров, на которых он делал пометки, подчёркивая последние три цифры для идентификации номера. Кроме звонков на номер Ольги Александровны, он исследовал список контактов самого Царькова. Кому может звонить водитель? От кого он может получать звонки? В рабочее время это могут быть шеф, его секретарь. Возможно, некоторые сослуживцы, семья, конечно. Жора предусмотрительно затребовал у службы безопасности СФТ-банка список сотрудников и номера их телефонов. Мобильные, служебные – все. Евстифеев начал выстраивать схемы.

Итак, круг общения Антона Царькова в последние дни перед его исчезновением с деньгами был следующим:

400 – это номер Портного. Входящие звонки редко, исключительно в рабочее время, в основном утром и вечером, сам водитель шефу на мобильный никогда не звонил.

256 – последние три цифры номера телефона приёмной. Отсюда уже больше входящих на номер Царькова. Видно, что управляющий передавал поручения в основном через секретаря.

117 – домашний. Здесь всё понятно.

739 – мобильный матери. Пару раз он набирал этот номер, только днём. Скорее всего Ольга Александровна в это время выходила из дому.

111 – номер платной услуги. Может, мелодию себе новую установил. Интересно, какую? По музыке, играющей во время вызова абонента, можно многое узнать о человеке, который сейчас поднимет трубку. Большинство его клиентов предпочитают шансон, ясное дело. Тут неизвестно, время на это тратить незачем, но факт показательный: человек умирать не собирался.

120 – городской номер. Ни одного входящего, Царьков всегда звонил туда сам. Несколько потраченных минут – и выясняется, что это сервисный центр «Тойота». Ну да, служебный автомобиль Портного – чёрная «Тойота Кэмри».

320 – один раз он позвонил на этот телефон, потом, наоборот, звонили ему постоянно. Давайте-ка проверим, кто такие... Жора набрал номер и услышал:

– Добрый день, компания «Лотос», оператор Анна к вашим услугам, – приветливый, наигранно заботливый женский голос повторил заученную до мельчайших интонаций фразу, которая, по всей видимости, осточертела барышне, вынужденной произносить её десятки раз на день.

– Здравствуйте, это прачечная? – Жора и сам не мог понять, почему именно прачечная, может быть, из-за того, что в голове весь день крутился анекдот про прачечную и министерство культуры, который принёс в отдел неисправимый хохмач Серега Артёменко, его сосед по кабинету.

– Вы ошиблись, это агентство недвижимости.

– Странно... а название, как у стирального порошка, – с такой молниеносной находчивостью и природной ироничностью Жорика с удовольствием взяли бы во многие команды КВН.

Но барышня на другом конце провода шутку не заценила. Явно обидевшись, вопреки всем правилам хорошего тона, которым её учили, прежде чем доверить самое святое в любой подобной фирме – телефон, указанный в рекламе, она положила трубку не попрощавшись.

Лотос так Лотос, записываем. Любопытно, что за недвижимость риелторы хотели впарить нашему Царькову? Или он квартиру маменьки продавал? Нужно будет к этой теме вернуться, но позже, когда больше информации поднакопится.

832 – номер мобильного телефона Полины Куртаковой. Сотрудница этого же банка, работает в юридическом отделе. В основном – исходящие звонки с телефона Царькова на этот номер. Стоп, стоп... Полина. Время звонков – всегда после работы. Иногда очень поздно. И

не на корпоративный номер, а на её личный. Как трогательно, какие такие дела могут быть у водителя шефа с клерком юридического отдела? Тем более в столь поздний час? Впрочем, если этот клерк – симпатичная девушка, то всё объяснимо. Так-с... Записываем.

«А давай-ка, Жорик, посмотрим, когда он звонил ей в последний раз», – увлечшись работой, Евстифеев часто начинал вслух разговаривать сам с собой. Коллеги, сидевшие с ним в одном кабинете, поначалу пытались подкалывать на эту тему и даже повесили над его столом плакат в стиле тридцатых годов прошлого века «Болтать – врагу помогать», но это совершенно никак не повлияло на капитана. Благо, кабинет был сейчас пуст, и Евстифеев самозабвенно погрузился в работу.

«Чёрт! Дурень! С последнего же дня нужно было начинать!» – Жора закурил. 17 июля, понедельник, 19:24. Последний звонок перед отключением Царьков сделал именно Полине Куртаковой!

075 – входящий звонок утром того же дня. Непонятно. Номер зарегистрирован за корпоративным пакетом банка «Гамма».

Георгий опять вооружился телефоном и очень скоро выяснил, что с этого номера в банке «Гамма» работает автоматический оповещатель. Созданный банковскими программистами робот предупреждает злостных неплательщиков о необходимости срочно погасить задолженность. Делает он это специально подобранным пренеприятнейшим, сухим, таящим угрозу голосом, от которого у неопытных граждан всё внутри должно холодеть. По замыслу авторов программы, когда люди это слушают, их воображение должно рисовать на противоположном конце провода циничного, хладнокровного изверга-палача. Чтоб по нервишкам сильнее било.

– И что это ты, Георгий, в ночную решил остаться? – в дверном проёме возник силуэт подполковника Сердюкова, – а кто же будет уроки с детишками учить? Знаешь, Жорик, что в нормальных странах хорошим считается тот сотрудник, который всё успевает в рабочее время. А после работы засиживаются только неумехи, поэтому их обычно лишают премий и увольняют.

– Спасибо, конечно, Геннадий Андреевич, за отеческую заботу. Но, знаете ли, ваш пример – он заразителен.

– Ну, ты вот что, Георгий, за себя сам отвечай, – начальник и подчинённый на самом деле делали паузу в работе, слегка расслабившись в имитации строгого спора.

– Да ко мне тёща нагрязнула. Женщина она заботливая, но её присутствие в квартире обычно вдохновляет меня на повышенную плодовитость... в борьбе с преступным элементом.

– Тогда понятно. Кстати, знаешь анекдот, как зять заворачивает тещу в ковёр и ласково спрашивает: «Мама, вы же мечтали полетать на ковре-самолёте»?

– А вам, Геннадий Андреевич, ведомо, что такое «смешанные чувства»? Это когда твоя тёща на твоём «мерседесе» летит в пропасть.

– Ну, ты это брось. Тёщ надо любить, но строго. У меня тёща – золото. И жену всегда наставляла: у тебя есть муж, с ним всё и решай.

– Я вот о чём думаю, Геннадий Андреевич, – Евстифеев обернулся и посмотрел на висящий за его спиной плакат, – что бы мы делали, если бы преступники были немыми, не пользовались теми же мобильниками?

– А к тому оно и идёт, Георгий. Возможно, через несколько лет телефония в нынешнем виде и вовсе начнёт отмирать. Скайп, интернет-переписка вот-вот станут массовым явлением. Что ж, и мы уйдём в интернет. Так всегда было. Есть спецы, которые сигнал кодируют и секретят. А есть те, кто его рассекречивают и читают. Наши лаборатории в этих направлениях тоже на полную катушку работают. В ведомстве безопасности уже разработана и используется программа, способная запоминать и записывать каждое прикосновение к клавиатуре нескольких тысяч пользователей одновременно. Но это колоссальный массив информации. Сейчас рабо-

тают над тем, чтобы его максимально удобно, так сказать, расчленить и систематизировать. Чтоб иголку в стогу сена искать было легко. Вот так-то, Георгий.

– И что же это за жизнь нас ожидает, Геннадий Андреевич? Выматерился сгоряча, а какая-нибудь камера это зафиксировала и преподнесла тебя в искажённом свете, вне контекста. Потрепался с друзьями про шалости молодости, а запись твоей жене попала – и вот он, развод. Залез на порносайт, чтобы чуть отвлечься, а программка зафиксировала – и ты уже можешь быть представлен начальнику неким извращенцем.

– Ну, на этот счёт, Жорик, не переживай. Начальник у тебя мудрый, вменяемый, знающий, что безгрешных сотрудников не бывает, так что тебе с этим здорово повезло. А вот трепаться действительно нужно меньше. Так что давай за работу. И насчет прозрачности не переживай. Копаться в грязном белье нехорошо – это мы постоянно слышим от наших слуг народа. А бельё должно быть чистым, аргументируют наши коллеги из Скотланд-Ярда, – произнеся эту умную фразу, подполковник исчез за закрывшейся дверью.

Глава 5. По законам селекции отечественного бизнеса

Михаил Евгеньевич Бальцерович не имел привычки отказывать себе в удовольствии провести полтора часа в день за стаканчиком хорошего виски и сигарой, хотя на работе он предпочитал трубку и имел целую коллекцию прекрасных трубок. Каждый вечер в одно и то же время он располагался в каминном зале своего особняка на улице Клары Цеткин и, забыв об окружающем мире и его назойливых проблемах, смотрел старое кино, вкушая благородный напиток. Многие его знакомые знали об этой странности и совершенно её не одобряли, так как, по их мнению, сигара однозначно сочетается только с коньяком.

Алкоголь в жизни Миши Бальцеровича сыграл очень знаковую роль. Свои первые капиталы в бурные девяностые он сколотил на нелегальном импорте водки. КАМАЗы, севшие на задний мост под весом наполненных бутылок, пуская сизые клубы дыма, почти всегда успешно преодолевали прозрачную тогда границу дружественного государства, наполняя выручкой Мишин чемоданчик. Сложности, изредка возникавшие в переговорах с людьми в синей форме, быстро решались на месте, открывая каравану путь к цели.

Но любой прибыльный бизнес требует постоянной модернизации. Меняется жизнь, меняется рынок, меняются правила. Золотоносные жилы иссякают. Главное – сесть на такую жилу в числе первых, а почуввав скорый закат, вовремя соскочить. Если не держать руку на пульсе, можно легко вылететь на обочину. Либо от рук конкурентов, либо раздавит государство. Да мало ли? Жила-была фирма KODAK, купалась в прибыли, а в один прекрасный момент разорилась. Потому что пришли цифровые технологии, которые и стали могильщиками производства фотоплёнок. Отпала в них нужда – и всё.

Со временем Бальцерович почувствовал, что быть контрабандистом становится всё сложнее. И даже не то чтобы сложнее – хлопотнее. Всё больше рисков и движений – и всё скуднее «выхлоп». Молодое государство и те его ведомства и чиновники, которые могли порулить или хотя бы подержаться за руль, всё плотнее брали под контроль экономические процессы. По каким-то причудливым, неведомым миру законам перехода от социализма к тому, что многие считали капитализмом, государство развивалось само и заставляло идти тем же путём, похожим на перебежки по заминированному райскому саду, своих новоявленных бизнесменов. Если бы нынешних предпринимателей, ушлых и окрепших, закалённых и знающих, умеющих спорить и отстаивать свою точку зрения, перенести назад, во время вседозволенности и беспорядка, поначалу им могло бы показаться, что на них сошла манна небесная. Только что созданная налоговая милиция – диковинное по тем временам подразделение – ютилась в одном из кабинетов, где сотрудники буквально сидели друг у друга на голове. Таможня, расположенная на втором этаже бывшего НИИ, ну никак не вписывалась со своей суматохой в узкие институтские коридоры. Учились работать тогда все – и те, кто налоги собирал, и те, кто их не хотел отдавать. Действие порождает противодействие – закон мироздания.

Бальцерович, понимая, насколько в новых условиях он рискует своими капиталами, быстро трансформировался из крупного контрабандиста в мелкого фабриканта. «По совету друзей» на вырученные деньги он приобрёл линию розлива и снял небольшой цех со складскими помещениями на бывшей базе культтоваров.

Спирт и бензин – два самых популярных товара тех времён. Какая ещё реклама? Какие скидки? А что, на стиральном порошке тоже можно зарабатывать? А зачем двигаться, если навар меньше ста процентов? Эти вопросы помнят многие из тех, кто выращивал свой бизнес, не пользуясь мобильной связью, так как её просто не существовало; кто не испытывал страха перед дефолтом, потому что где-то в квартире ещё оставались неразрезанные листы купонов. Вперёд, только вперёд, теперь всё можно, нельзя только останавливаться!

Среди людей, познавших прелести вседозволенности, только единицы оказались настолько сильны и прозорливы, чтобы выбраться из того постсоветского болота живыми и невредимыми. Одни спились от неожиданно свалившихся на них капиталов и возможностей, другие посчитали правильным уехать из этой ненавистой страны, заработав свои первые (иногда и единственные) пятьдесят тысяч условных единиц, третьи, не знающие меры в своём ненасытном желании обогащаться, становились либо жертвами, либо преступниками, четвёртые, пятые, шестые...

Михаил Евгеньевич имел на эти расклады судьбы свою точку зрения. Его круг общения менялся с частотой огней на дискотеке. Люди, люди, люди... Поставщики, покупатели, проверяющие, подчинённые – это всего лишь сопровождение его собственного пути, такие себе волны, расходящиеся в стороны от киля его собственного корабля. Вместе с тем он совершенно не был бездушным буржуем, он умел быть благодарным и иногда любил быть благородным. Правда, количество людей, попадавших под эту тайную опцию его души, являлось весьма ограниченным, и Черепанов входил в этот элитный клуб имени Бальцеровича.

Что такое гофротара и её смысл в недолгой жизни бутылки водки, Иван понял не сразу, а только тогда, когда Миша Бальцерович предложил ему совместный бизнес. В то время партнёров искали вовсе не по профессиональному признаку, а значение слов «тендер», «резюме», «репутация» сводилось к следующему: нужно быстро привезти нечто, по приемлемой цене – так, чтобы «поместились все», и не быть треплом, дабы не разбазарить «ноу-хау». На просторах солнечной Болгарии удалось довольно быстро отыскать артель, изготавливающую картонные ящики по размерам заказчика, по факсу передали логотип Мишиной торговой марки, и все были счастливы почти два года. До тех пор, пока Бальцерович не прокололся на нелегальных поставках в Россию. Это и поставками можно было назвать с натяжкой, всего-то три машины, но неожиданное выгодное предложение – чего не заработать? Да и какая ностальгия! Потом Михаил Евгеньевич много раз задавал себе вопрос: «Тебе что, плохо жилось?» За то время, пока его разливочный бизнес удовлетворял внутренний спрос, на границе многое изменилось, ходить в рейсы под чёрным флагом стало практически невозможно. Тогда самоуверенного и подзабывшего об осторожности Бальцеровича не насторожило даже то, что транспорт для этого рейса в Россию они нашли с большим трудом.

Итогом этого приключения стали арестованные на пункте пропуска фуры с товаром и левыми документами, опечатанные склады и производство, уголовное дело по линии СБУ и переезд Миши в следственный изолятор.

Тем временем Черепанов, будучи уже популярным в регионе тележурналистом, начал выходить на новый уровень.

Выборы тогда ещё воспринимались как первые ростки свободы и демократии. Общество ещё не ведало, что в недалёком будущем выборами, как ширмой, воспользуются самые хитрые и пронырливые, поставив на поток технологии манипуляции, потоки теле- и радиогрязи со взаимным прессингом соперников. Интерес к новым кандидатам был неподдельным, ярких персонажей на фоне быстро перекрасившихся аппаратчиков явно не хватало, и Иван как человек авантюрного склада характера принял решение испытать судьбу в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета. Шансы свои он оценивал здраво, но ведь нужно же когда-то начинать!

В активе у претендента на мандат был имидж независимого и напористого журналиста, несколько сподвижников, готовых к работе на безоплатной основе, знание психологии своих зрителей (читай – избирателей) и абсолютное отсутствие страха перед людьми и обстоятельствами. В пассиве же наш герой имел скудную кассу начинающего бизнесмена, ухидившую в основном на обеспечение техникой журналистской деятельности, и полное отсутствие опыта в подобных играх.

Как и на всякой войне, желторотые штабисты начали свой путь со сбора информации о потенциальных противниках.

Конкуренцию, в силу своего опыта и некоторой известности в округе, могли составить только двое: Роберт Карлович Яузе – пожилой представитель красного директората, и кандидат от коммунистов Андрей Серёгин. Остальные самовыдвиженцы представляли для избирателей интерес только в качестве источника эпатажных заявлений.

Роберт Карлович являл собой образец хозяйственника. Его жизнь была выстроена по плану и расписанию. Помимо того, он обладал редким даром ладить и налаживать отношения. Предприятие, которым он успешно руководил долгие годы, благодаря этим его способностям выжило в трагических условиях развала СССР, довольно быстро переориентировалось на внутренний рынок и стало, как теперь модно говорить, градообразующим. При этом Яузе всегда был человеком небедным, чего и не скрывал. Но народ его не осуждал, а скорее поддерживал. Потому что Яузе никогда не воровал с убытков. Предприятие развивалось, рабочие получали самую высокую в отрасли и городе зарплату, заводские дома отдыха и детсады считались лучшими, отчисления в бюджет шли в полном объёме. А то, что где-то в прибылях Яузе удавалось не забывать себя и близких, – к этому все относились с пониманием. На фоне беспредельщиков-авантюристов, не знающих меры и страха в уничтожении и разворовывании заводов и фабрик, Яузе выглядел почти героем. Большая и крепкая заводская семья гарантировала ему поддержку, как всякому отцу и кормильцу, тем более что завод уже стал акционерным обществом закрытого типа, и каждый сотрудник имел в нём какую-то часть акций.

Серёгин звёзд с неба не хватал, но имел чётко ограниченный круг сторонников. Его опорой были те, кто помнил, какова на вкус настоящая любительская колбаса, кто со спокойной душой отправлял детей в пионерские лагеря на Чёрное море, кто всю жизнь работал и знал цену своему труду. И ещё – стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

А Иван Черепанов был просто популярным журналистом, известным в своём городе благодаря ежедневной передаче на местном телеканале. Конечно, среди доверенных лиц кандидата Черепанова не было специалистов в области социологии и PR-менеджмента – в те времена столь специальными терминами ещё не оперировали. Интуитивно все вместе они приняли правильное решение: ориентироваться на аудиторию от двадцати до сорока пяти лет, на тех людей, которые хотели править своей жизнью сами, зарабатывать на вольных хлебах и жить в вольной стране. При этом получалось, что Серёгин и Яузе должны были разделить между собой одну и ту же аудиторию.

Каково же было удивление Ивана и его штаба, когда после первого тура из тринадцати кандидатов они заняли третье место после Серёгина и Яузе. Разрыв между лидерами был минимален, но и Черепанов получил достаточно большой процент. Большой настолько, что при грамотной постановке вопроса мог голосами своих избирателей обеспечить победу любому из своих конкурентов. Задача минимум была выполнена.

– Иван Сергеевич? Не могли бы вы уделить час своего времени для встречи с Робертом Карловичем? – голос в телефоне был настойчиво-требовательным, не оставляющим права на отказ.

– Интервью, репортаж, очерк о личной жизни? – Черепанов быстро понял, о чём пойдёт речь. Безусловно, он был готов к такому развитию событий и лишь ждал, кто же первым оценит ситуацию правильно и пойдёт на контакт. Этим человеком оказался старый лис Яузе.

– Скорее всего тема встречи будет более глобальной. Если за вами приедет машина, скажем, через час?

Яузе явно недооценил соперников, о чём теперь жалел. Ему казалось, что Серёгин, будучи относительно молодым членом компартии, не сможет завоевать доверия старожилых коммунистического движения. Но тот пошёл по предприятиям и учреждениям, встречался с людьми прямо во дворах и опередил Роберта Карловича. Черепанов представлялся молодым выскочкой безо всяких перспектив, но, посмотрите, он третий. Разнос, который Роберт Карлович устроил своим специалистам, взявшимся отвечать за избирательное дело, был похож на

взрыв динамитных складов. Крупный от природы и к тому же страдающий полнотой директор непрерывно курил и басом выдавал такие многоэтажные комбинации эпитетов и мата, что ни у кого уже не оставалось ни тени сомнения – их будущее зависит только от того, пройдёт ли шеф в народные депутаты.

Пикантности ситуации придавал факт открывшегося воровства на печати предвыборных листовок. Гнев Карловича в тот день на себе не испытали, пожалуй, только заводские кошки, вечно трущиеся у служебного входа в столовую.

К концу дня актив антикризисного избирательного штаба, не скомпрометировавший себя в махинациях с деньгами, прибыл на доклад к шефу. После короткого совета была одобрена идея привлечь в качестве союзника кандидата Черепанова, и заместитель Яузе прямо в его присутствии сделал звонок Ивану.

– Присаживайтесь, коллега... – Яузе сделал жест в сторону журнального столика в углу, на котором стояли кофе и хороший коньяк. – Нам, похоже, есть о чём поговорить. Меня зовут Роберт Карлович...

Беседа, как принято выражаться в дипломатических кругах, протекала в русле взаимопонимания и конструктивного диалога. Иван, трижды извинившись, отметил явные промахи в организации избирательной кампании своего старшего товарища, а также некоторую переоценку креативных способностей его избирательного штаба. Без правильного использования возможностей влияния средств массовой информации на определение симпатий электората ни в одной развитой стране мира победа на выборах в высший орган представительской власти невозможна.

– Слушай, мне говорили, что ты наглый, но не настолько же! – Роберт Карлович поднял бокал с коньяком и сделал движение в сторону собеседника, словно предлагая чокнуться, но тут же его и выпил. – Ты пришёл ко мне, прочёл лекцию о том, как всё плохо, а если мы такие умные, так чего же мы не такие богатые?

– Ну, во-первых, Роберт Карлович, я не напрашивался на встречу – это была ваша инициатива. Во-вторых, вспомните себя в моём возрасте, разве вы были богаты? Ну, может быть, духовно.

– Опять умничаешь, тогда время иное было, мы жили и работали по другим правилам.

– Не спорю, но теперь эти правила изменились, а вы пока нет.

Любой другой из числа людей, знающих крутой нрав директора, после такой фразы стоял бы, сжав потные ладони в кулаки в ожидании кадровой расправы, но этот молодой журналист сейчас уже не казался Роберту Карловичу неумным наглецом, тем более что он излагал весьма здравые мысли.

Беседа бывших оппонентов продлилась за полночь, и в её результативной части, помимо опустошенной бутылки отличного армянского коньяка, оказался некий план дальнейших совместных действий. Иван признал, что добился желаемого в избирательной кампании и теперь он призовет тех, кто голосовал за него, поддержать во втором туре Яузе. Пунктом номер два являлось намерение сторон приложить ресурс телекомпании и личный творческий потенциал Черепанова для обеспечения прорыва кандидата Яузе.

Некоторое время спустя председатель постоянного комитета Верховного Совета по вопросам экономической политики Роберт Карлович Яузе, прибывший в свой родной округ в статусе народного избранника, получил приглашение на прямой эфир авторской программы Ивана Черепанова. Уважаемый гость студии, конечно, не смог отказать ведущему и согласился задержаться после передачи в его кабинете.

– Коньяк тот же, Роберт Карлович, – Иван провёл гостя к себе.

– Камеры, я надеюсь, у тебя в кабинете не ведут трансляцию на весь мир? – Яузе хитро прищурился и, улыбаясь, похлопал Черепанова по спине.

– Что вы, это не наши методы. Эфир, кстати, получился отменный, присаживайтесь.

– Мы с тобой так и не отметили победу, Иван Сергеевич. Закрутило, понесло, сам понимаешь. Надеюсь, прощаешь меня, неблагодарного? – уставший директор-депутат снял пиджак и небрежно бросил его на широкую спинку кресла.

– Конечно, прощаю. Вы ведь приняли моё приглашение на эфир, а заполучить такого гостя первым – это много значит. Тем более что есть возможность исправить ситуацию прямо сейчас, нет ничего проще. Первый тост – за победу!

– За нашу победу, как сказал один известный разведчик. Я тебе благодарен за твой вклад, спасибо. Очень вовремя ты раскритиковал моих закостеневших штабистов, но есть ещё один вопрос.

– Я готов, хотя обычно я ставлю вопросы, но ничего, постараюсь быть в своём интервью максимально откровенным, – Черепанов подлил коньяку в бокалы.

– Мне доложили, что ты отказался от гонорара за свою работу. Это неправильно, я не люблю быть должником, – в выражении лица Яuze что-то неуловимо изменилось.

– Роберт Карлович, давайте будем считать, что я работал на авторитет. Свой и телекомпании. И на будущее. Тем более что ничего, выходящего за рамки своей профессиональной деятельности, я не сделал.

– Быть таким Дон Кихотом в нынешнее время неразумно и неприлично, Иван. Я понимаю, ты имеешь далеко идущие планы, – Яuze поднялся, достал из внутреннего кармана пиджака визитку с гербом и передал Черепанову. – Сам понимаешь, новая работа – новые телефоны. Звони. Чем смогу – помогу.

Иван подержал визитку с золотым тиснением в руках, будто глядя сквозь неё, о чём-то подумал и обернулся в сторону гостя:

– Даже звонить не нужно, поможете – буду очень благодарен, – Иван взял лист для записей, что-то написал и положил на столик возле депутата.

– Кто такой этот Бальцерович Михаил?

– Мой хороший, – Иван сделал секундную паузу. Сказать «знакомый» было бы тактически неверно – слишком серьёзной была его просьба, а сказать «друг» он почему-то не смог, – мой очень хороший товарищ.

* * *

– Привет, привет, дружище, – с годами Бальцерович, который и ранее не славился стройностью фигуры и к тому же существенно польсел, резко ограничил круг людей, которые имели доступ к нему в неслужебное время, а уж о визите в дом и речи не могло быть.

К тому обязывало общественное положение. Вернее, положение в ограниченном обществе. Хоть Михаил Бальцерович стараниями Черепанова и при помощи Яuze провел в СИЗО не так уж и много времени, это прибавило ему веса в определённых кругах. Определённых тюрьмой. Ну и что, что нет наколок в нужных местах? Своё дело сделали деньги. Предприимчивый бизнесмен и тут нашел себе место. В конце концов, контрабандист – это тоже преступное ремесло, а Михаил Евгеньевич имел в этом деле богатый опыт.

Для Ивана Черепанова он сделал исключение и назначил встречу дома.

– Проходи, бродяга, рад тебя видеть, – Михаил Евгеньевич провёл Ивана в тот самый зал, где по вечерам успокаивал свою душу виски, сигарой и хорошим фильмом.

Приятный запах дорогого табака подчеркивал английский стиль зала. Массивная мягкая мебель, камин, отделанные тёмным деревом стены и большой книжный шкаф, наполненный далеко не ширпотребовской литературой, характеризовали хозяина как человека со вкусом. Можно было бы предположить, что он дипломат или издатель солидного журнала, на худой конец, серьёзный аналитик, но дом принадлежал одному из самых влиятельных людей города, капитал которого был нажит на грани дозволенного. Теперь этот капитал в виде сети станций

техобслуживания, платных стоянок и ещё кое-какого, не совсем публичного бизнеса приносил ощутимый доход. Подтверждением тому служили аккуратно расставленные по периметру участка камеры наблюдения и несколько персонажей специфической наружности, для приличия одетых в костюмы.

Иван огляделся, пока хозяин зашторивал окна, и обнаружил, что за годы, которые он не общался с Бальцеровичем, Михаил Евгеньевич, судя по его жилищу, и сам очень изменился. Похоже, что не только внешне. В его голосе, манере держаться появилось нечто новое, властное и бескомпромиссное. Сейчас предстояло разобраться, были ли эти изменения к лучшему. В любом случае Иван уже имел довольно богатую практику общения с людьми, которые, благодаря новому положению, доступу к власти и деньгам, быстро уверовали в своё величие.

Старые знакомые присели в кресла напротив друг друга и дождались, пока горничная расставила кофейный набор, наполнила маленькие чашки и степенно удалилась, закрыв за собой дверь.

– Рад видеть тебя таким респектабельным и успешным, дружище, – Иван искренне улыбнулся.

– Спасибо. Спасибо тебе много раз. Если бы не ты, сколько лет было бы потеряно на этом пути. Теперь я всё больше задумываюсь о людях, их поступках и понимаю, что чем старше человек, тем меньше у него новых друзей.

– Это правда. Практически все новые знакомства происходят на почве того, что кому-то от тебя что-то нужно, а это несовместимо с дружбой. Просто собраться в субботу поболтать с друзьями на кухне стало непозволительной роскошью.

– Я до сих пор не могу понять, ты тогда сколько-таки заплатил за моё «отбеливание»?

– Я же тебе уже говорил – ни копейки, один весьма уважаемый человек помог.

– Это мечта. Тебе уважаемый человек был много должен?

– Ну, не то чтобы очень, но попросить об одолжении я имел моральное право. Да нет там никаких подводных камней, не переживай.

– Наши пути после этого разошлись – я не в обиде. Понимаю, что для твоей карьеры я как уголовный элемент был не совсем кстати, – Бальцерович резко поменял тему. – И вот я вижу тебя здесь, друг мой. Что произошло?

Иван отпил из маленькой чашечки крепкий кофе, медленно поставил её на столик, разделявший собеседников, и откинулся в кресле.

– Нужна твоя помощь, Миша.

– Я уже догадался, ко мне так просто не ходят, всё больше с прошениями.

Черепанову не совсем понравилась тональность и скрытая поддёрвка в этой последней фразе Бальцеровича, но что толку сейчас давать волю ненужным эмоциям? Никогда раньше Иван столько раз не произносил одну и ту же фразу: «Мне нужны деньги». К концу недели он уже стал себя ненавидеть за постоянные повторы – для журналиста это признак кризиса мысли. Как же чувствуют себя нищие, если они это делают сотни раз за день?

К Бальцеровичу Иван не только обратился с просьбой помочь деньгами, но и весьма откровенно изложил ему ситуацию.

– Так тебя просто кинули, дружище. С твоим-то жизненным опытом, ай-ай-ай, – Михаил Евгеньевич отрезал кончик сигары гильотиной и пошёл к столу за спичками.

– Представь, таки да. Я подключил людей по своим каналам, его уже ищут. Потом нужно будет деньги назад из этого негодяя выдавить – с этим, надеюсь, поможешь?

– Помогу, конечно, это легче всего. Бойцы подключатся, на природу вывезут подышать воздухом, но, поверь моему опыту, его скорее всего не найдут, – Бальцерович со вкусом затянулся и, окутанный сигарным дымом, опять сел в кресло. – Ни менты, да никто не найдёт.

– Найдут. Лишь бы жив был, – Черепанов вдруг сам ужаснулся тому, что произнёс, и с некоторой надеждой на поддержку устремил взгляд на Бальцеровича.

– Правильное замечание. Ты веришь в то, что обычный водитель с мировоззрением, ограниченными рамками лобового стекла, мог сделать это без посторонней помощи? Если да, то ты наивный человек. Для него одного это фантастическая сумма. Он мелкая пешка в чьих-то руках, и по законам жанра пребывать на этом свете ему недолго. А тебе я помогу. Деньги могут быть хоть завтра, но есть одно условие.

Иван вопросительно взглянул на собеседника.

– Видишь ли, Иван Сергеевич, я тебе, конечно, обязан и всегда готов по старому счёту рассчитаться, но распоряжаться кассой по своему усмотрению не имею права. Для этого у нас есть доверенный человек, и я тебя с ним познакомлю. Кроме того, нужны гарантии, – Бальцеревич выпустил плотное облако дыма. – Нужен залог.

– Моя квартира стоит около ста тысяч. Но на полную сумму не наберётся никак. Уж давай, Михаил Евгеньевич, помогай в той ситуации, которая есть, – в тоне Ивана прозвучала твёрдая настойчивость, на какую имел право только он.

– У тебя есть бизнес – телекомпания. Если ты уверен в успехе, то на месяц-два деньги под такой залог найдутся.

– Но, чтобы оформить всё юридически, придётся изрядно поковыряться с бумагами...

– Эти хлопоты и нотариус нам ни к чему. Твоей расписки будет для меня вполне достаточно.

Уходя от Бальцеревича, Иван ещё не понимал, к лучшему всё или нет, но других вариантов не было. Часть проблемы решена, и это был без сомнения прогресс.

Глава 6. Правила игры без правил тоже кто-то устанавливает

Бюро контроля технологических потерь являлось неким особым полусекретным объектом в системе самого газового гиганта.

Селиванов, он же Семёнов, был знаком с начальником, вернее, начальницей этого подразделения лишь шапочно. При этом он достоверно знал и помнил, что за всеми сотрудниками, имеющими доступ к секретам, технологиям, цифрам, пультам, пристально следят не только камеры в коридорах и самих кабинетах, но и служба безопасности не оставляет без внимания как их компьютерную переписку, так и телефонные разговорчики.

Ему позарез нужен был тут свой человек. Чтобы понять, как обмануть систему, необходимо было предварительно узнать её устройство. Высочайший уровень секретности и защищённости, царивший здесь, Семёнова, по большому счёту, не утрашил, а скорее подзадоривал. Как матёрому домушнику приятно взломать самый сложный замок, тем самым утерев нос его высокопрофессиональным и высокооплачиваемым конструкторам, так и ему льстило обставить – пусть и не в решающей партии – самого газового монстра. Какими бы жёсткими ни были порядки, протоколы, системы слежки, всегда оставался человеческий фактор. У самых проверенных, самых железно-стойких сотрудников можно отыскать тайны, слабости и пороки, если, конечно, очень сильно постараться.

Столовая – идеальное место для заведения знакомств – в газовом гиганте была устроена таким образом, что сотрудники разных подразделений обслуживались чётко по графику и практически не пересекались. Оставались лифт, коридоры, где все, впрочем, на виду. Сергей Борисович стал частенько хаживать нужными маршрутами и подмечать повадки сотрудников из интересующего его отдела. Но предпринимать что-либо было бы пока преждевременно и примитивно.

Тем временем пришли хорошие новости из «Алёнушки». Макарец уже дважды в течение месяца там отужинал, правда, пока в гордом одиночестве. Что ж, пусть присматривается, привыкает.

Эльвира Яковлевна Кутовая, начальница бюро контроля технологических потерь, производила впечатление крайне самоуверенной львицы. Резковатая туалетная вода являлись продолжением такого же резковатого характера. Ей было немногим меньше сорока. Начало заката... или конец расцвета? Впрочем, если ты умный мужчина, то никогда не выдашь женщине эти свои мыслишки. Потому что сразу рискуешь стать её заклятым врагом, ведь у большинства из них самооценка о-го-го!

Было известно, что после окончания института в структуру Эльвиру привёл один из симпатизировавших ей членов правления. И хотя вскоре его не стало, она смогла опериться, приспособиться и закрепиться.

Кутовая была очень предана и благодарна принявшей её системе, ставшей частью её жизни, частью её самой. По тому, как она общается со своими подчинёнными, несложно было понять сущность её природы. Больше всего ей нравилось казнить и миловать, наказывать, прощать и спасать, расправляться с теми, кто позволил себе её не почитать. Нравилось быть королевой у возвращенной ею же самой небольшой свиты, нравилось показывать хорошие результаты работы перед начальством. А кому, впрочем, это не нравится? Она купалась в собственноручно созданной атмосфере взаимоотношений в коллективе. Это было основой самореализации Кутовой.

Пока Семёнов собирал сведения и искал удобную ситуацию «для решающего прыжка», случай представился сам собой. Большой корпоративный новогодний бал был в самом разгаре – публика у фуршетных столов уже порядком расслабилась и начала мигрировать по залу,

образуя стихийные компании. Гул от сотен одновременно ведущихся бесед, тостов, шуток и смеха потихоньку нарастал, когда профессионально наблюдательный Сергей Борисович заметил, как Кутовая, явно чем-то возбуждённая и взволнованная, активно отпивая из бокала шампанское (это было для неё не характерно), что-то живо рассказывает своей сотруднице и по совместительству доверенной подруге. А вот и звон кем-то разбитого бокала, прозвучавший, как первый звоночек, но не вызвавший у присутствующих уже никаких иных эмоций, кроме усиления веселья, к чему все были внутренне готовы.

Подождав, пока участницы банкета сильнее захмелеют и погрузятся в нужное эмоциональное поле, Семёнов, блистая взглядом, предстал перед их не очень ясные очи, излучая сдержанную страсть, нежность, заботу, готовность завоёвывать и поклоняться. Только один танец, мечта всей жизни, не обрубите ей крылья! Что-что, а мобилизоваться на гусарские подвиги он умел и любил это своё хобби.

А дальше всё происходило по законам жанра: тайная договорённость, встреча через полчаса на ближайшем перекрёстке, продолжение в «Алёнушке», внезапный приступ страсти, поцелуи в такси, многозначительные и немногословные комплименты. Ну, и первая исповедь увлечшейся начальницы. Её муж – компьютерный гений-программист. А в жизни – полный зануда. Кроме ребёнка, их ничего не связывает. Он не ценит её успехи в работе, которая его вообще не интересует. Пилит за нежелание общаться с его роднёй и друзьями, не хочет брать домработницу, а у неё нет времени и сил на нелюбимую домашнюю работу, ну и так далее... Семёнов чувствовал себя в роли священника, исповедующего и отпускающего грехи заблудшей симпатичной прихожанке.

Теперь не следовало торопиться, говорить лишнее и совершать необдуманные поступки – типичная ошибка юношей, поддающихся любовным страстям. Немного лести, немного внимания и заботы...

Селиванов ещё на армейской службе усвоил, что не быть открытым нараспашку всегда выгоднее. Никто не знает, то ли ты молчишь оттого, что сильно умный, то ли оттого, что по скудости знаний сказать нечего. Не соврётся лишнее – не проколешься на вранье, о котором со временем обязательно забудешь.

Селиванов-Семёнов давно сделал для себя жёсткий вывод: в этой жизни каждый – за себя. Чем раньше ты поймёшь, что человек человеку волк, тем больше у тебя шансов не оказаться в канаве с перекушенной глоткой, а для этого нужно вовремя нападать самому.

Что же касается таких святых для многих понятий, как любовь, дружба, верность, преданность, – это не больше, чем атрибуты взрослых ситуативных игр. И чем раньше это уяснишь – тем лучше. Безусловно, в это можно и нужно играть и выигрывать. Если не заигрывать и понимать, что это всего лишь игра. На самом деле примеров миллион, просто большинство людей предпочитают их не замечать или делать вид, что не замечают.

Кому не знакомы эти простые, похожие друг на друга ситуации? К тебе приходит самый близкий друг юности и, потупив взгляд, говорит: «Мне нужно на неделю десять тысяч долларов, не спрашивай зачем, больше мне обратиться не к кому, если ты не поможешь, мне конец». И ты, обуреваемый чувством долга, сам залазишь в долги, выворачиваешь все карманы, опустошаешь заначки на отдых, лечение и учёбу детей и спасаешь его. А он тупо относит эти деньги в игровые автоматы, где уже проиграл в общей сложности квартиру, которую пришлось заложить. Оказывается, он собирался там крупно отыграться и отомстить таким образом хозяину игрового заведения, а с выигрыша рассчитаться с долгами. И получается, что ты на самом деле не спас друга, а продлил в нём жизнь ужасной болезни по имени игровая зависимость, подкормил порочный бизнес и создал себе массу проблем на ровном месте. Вот она, плата за деликатность и безоговорочную преданность и верность идеалам юности.

А как взахлёб начинают обогащаться при первой возможности ханжи, которые по жизни осуждали воров, взяточников и коррупционеров, а на самом деле просто не были допущены к

этой кормушке. Те, кто борются с коррупцией, как правило, не просто активно в ней участвуют, но и стараются её возглавить.

Сколько известно примеров, когда любимого увела лучшая подруга?!

Продолжение отношений с Эльвирой сложилось для Семёнова тоже весьма удачно. Как-то он встретил её после работы и предложил поужинать... «Только мне ещё нужно заскочить за реактивами на склад», – Эльвира лукаво улыбнулась. Семёнов не преминул отметить, что улыбка делает её ещё красивее. В ответ Кутовая и вовсе расцвела. Оказалось, что склад расположен в одной из старых двухэтажек, находящихся в уютном дворике на Пушкинской. Завскладом на месте уже не было, Эльвира открыла дверь своим ключом и отключила противно запиликавшую сигнализацию. Неказистое, однако вполне приличное помещение в тихом, не мусолящем глаза, но очень удачном месте. Что может быть удобнее для свиданий?

Отношения с Эльвирой оказались для него настоящим подарком, как говорится, два в одном. Замечательный коктейль. Получился очень удобный, особенно по столичным меркам, эконом-вариант ухоженной и неприхотливой любовницы, свидания с которой не сопряжены с тратами на гостиницы, выпивку, перелёты, рестораны. Да и времени такие встречи отнимают по минимуму ввиду необходимости конспирации – служебные романы внутренними неписаными корпоративными правилами в структуре не приветствуются. А если учесть деловую перспективу, то Кутовая – это просто джокер! Не Ритка, конечно. Чёрт, столько лет прошло, а опять вспомнил Риту, хотя давно принял решение завязать, вычеркнуть, удалить навсегда из своей головы файл, содержащий информацию о ней.

Несмотря ни на что, память Сергея хранила образ Риты в отдельной, не подверженной усилиям воли ячейке как некое особое просветлённое и не совсем понятное пятно. Красота, ум... и ещё что-то. Вот взять хотя бы подружку её, Польшу Куртакову. Она и моложе будет, и как баба очень даже заводная – загорается в руках с полуоборота, но дура дурой, да и не летать же в Лугань за этим делом. До того недалёкая и послушная, что аж противно бывает. Такую и потерять не жалко, о такой и вспоминать не больно. Ей самой, кстати, этого полумка Царькова тоже ведь не жаль ни капельки. Жестокая бабёнка. А Кутовая, конечно, хоть и не первой свежести, но вполне ещё ничего, зато не полная идиотка, хотя, если разобраться по большому счёту, обычная самовлюблённая стервочка, ну, а ему что до этого? Он, Серёга, получит от неё только то, что нужно ему. А стервозностью Эльвиры пусть другие участники наслаждаются или страдают от нее – как им там больше нравится. Кутовая, кстати, использует его точно так же, как и он её. Просто цели у них разные. Семёнов необходим ей, чтобы чувствовать себя востребованной и реализованной, красивой и независимой женщиной. Гордой, с высокой самооценкой. Чтобы с его помощью утереть нос своему ненавистному мужу и возвыситься в собственных глазах. Такой вот у них удобный бартер получается.

Все используют друг друга. Пока это выгодно, пока совпадают интересы. Кому-то, впрочем, нравится быть донором, кому-то – пиявкой. Все без исключения люди играют кто страдальца, кто защитника, кто правдолюбца, кто деспота – в зависимости от того, кому что нужно, кому что нравится и у кого что лучше получается.

Мальчика, которого приняли в семью его возлюбленной, обучали, содержали, ублажали, прописали, не раз вытаскивали из всяких неприятных ситуаций, впутываться в которые у него был настоящий талант, – так вот этот самый мальчик, который несколько лет тупо валялся на диване и сочинял свои «гениальные», никому не нужные проекты, вдруг взглянул на себя в зеркало и, прозрев, обнаружил, что тут ему больше взять нечего, понял, что надоело, то бишь любовь прошла. Пора делить родительскую жилплощадь жены – всё честно, по закону.

А вот он, святой пример беззаветной отцовской преданности. Взять соседа Селиванова по Лугани – Свеженцева. Умный мужик, талантливый. Всю жизнь вкалывал, всего сам добивался, ничего лишнего себе не позволял. Квартиру в центре получил, отремонтировал, обставил. Дачку на берегу озера десять лет строил – кирпичик к кирпичику, досточка к досточке.

Гараж купил, одну из первых в городе иномарок благодаря службе в торговой палате пригнал, пылинки с неё сдувал, зимой не ездил. А на пятьдесят девятом году жизни его инфаркт забрал, следом жена умерла. Осталась дочка, а вскоре у неё появился кавалер из промышленного городка Горловки – разбил любимую иномарку Свеженцева, во время пьянки с друзьями сжег дачу. Так ради чего во всём себе отказывал Свеженцев? Ради этого придурка?!

* * *

«Сердце» газового монополиста – диспетчерский зал центрального производственно-диспетчерского департамента. Пульт управления газовыми потоками. Сюда стекается информация со всей единой системы газоснабжения. Сотни огоньков, датчиков, кнопок, переключателей, тумблеров, рубильников, стрелочек, указывающих на разные отметки циферблатов. В своей совокупности они загадочны для тех, кто в этом не ориентируется. Таким же непостижимо трудным представляется изучение любого иностранного языка, когда ты просто слышишь чужую речь и ни бельмеса в ней не понимаешь. И после первого занятия кажется, что ты никогда не сможешь как следует понять этих бегло болтающих иностранцев. Но после года-другого практики вдруг всё становится простым и доступным.

Макарцев же за годы работы научился не просто ориентироваться и понимать эту сложную технику. Это было сродни скорочтению. Внимательно отсканировав картинку, отбросив ненужную информацию, он чётко улавливал динамику всех происходящих в системе процессов. Как опытный доктор, приложив трубку, слышит происходящие в лёгких и бронхах процессы, так и Макарцев чувствовал дыхание всей газовой системы. Он давно привязался к этим мерцающим и светящимся в зале огонькам, заряжавшим его энергией и хорошим настроением.

Несмотря на существующую возможность, Валентин Петрович никогда не имел оружия. Внутреннее чутьё подсказывало, что оно может стать для него скорее источником неприятностей, чем подспорьем. Из аналогичных соображений он, получивший водительские права ещё в студенческие годы после добросовестного посещения курсов при ДОСААФ, практически никогда не садился за руль – если есть возможность, лучше избегать рисков и ответственности.

Так же Макарцев относился и к служебной информации, излишки которой то и дело пытались поселиться в его умной голове, обладающей блестящей памятью. Он не хотел быть хранителем чужих тайн – и это был принцип. Валентин Петрович помнил, что и ружьё раз в году стреляет, а поэтому лучше быть от него подальше.

Ситуацию изменил случай.

* * *

Тем временем Семёнову стало известно, что Макарцев повстречался в «Алёнушке» с одним из загадочных юношей. Ну наконец-то! Правда, по рассказу официанта, ничего подозрительного. Чаю попили накоротке и разбежались.

Семёнов испытывал острое желание быстрее проникнуть в тайну этих встреч. Посвящать в свои дела администрацию ресторана не хотелось, а действовать самому нужно было крайне осмотрительно. Самое простое решение – оставить в комнате для VIP-клиентов миниатюрный диктофончик, который включается на звук. Но если он случайно «засветится», всё накроется. А что, если в качестве жучка использовать мобилку, предварительно удалив из нее динамик? Позвонил – и слушай себе. Просто и оригинально. Однажды он уже пользовался этим своим изобретением. А в случае прокола – телефонную трубку ведь мог случайно забыть или потерять кто-то из посетителей. Такой вариант вызывает меньше подозрений.

Сергей Борисович внимательно осмотрел уютную, с приглушённым мягким светом комнату. Витиеватый настенный светильник в восточном стиле с массивной мраморной ножкой

привлѣк его внимание. Удобная высота – выше уровня глаз сантиметров на сорок, да и в глаза не бросается – без особой нужды туда никто не полезет. Семѣнов быстро забрался на стул и провѣл по мрамору пальцем. Судя по небольшому налѣту пыли, протирают светильник не чаще чем раз в месяц. А вот и выемка, где можно идеально поместить предмет, похожий на спичечный коробок, – снизу и не заметно. Пожалуй, не стоит усложнять – диктофон будет самое то.

* * *

Завершения ненавистной московской зимы, ассоциировавшейся с бесконечными дополнительными хлопотами по удалению белых соляных разводов с брюк и обуви, Семѣнов ожидал с явным нетерпением. Ох, наверное, и зарабатывает кто-то на поставках и списании этой самой соли – в такой-то кутерьме поди проверь, сколько её высыпали, а сколько списали.

К популярным у москвичей лыжам и конькам, скрашивающим эту пору года, Сергей Борисович был равнодушен, в театры не ходил, а вот противная коричневая жижа, в которую превращался снег на дорогах и тротуарах и контакта с которой было практически невозможно избежать, его просто бесила. Приходилось держать про запас сразу несколько пар брюк и обуви, в том числе и на службе. Резиновые сапоги по колено, которые были бы эффективней в борьбе с раздражавшим его промоканием ног, явно не соответствовали этикету.

Кроме того, с приходом лета Сергей Борисович связывал планы на реализацию многих своих замыслов – если всё правильно срастѣтся. Сростѣтся, никуда не денется, на этот раз уж он не даст осечки.

Ещё у него возникла идея, воплощение которой ему самому было не по весовой категории. Нельзя сказать, чтобы Селиванов-Семѣнов хорошо решал в школе уравнения – тангенсы и котангенсы он так и не освоил, но денежные потоки не просто быстро считал и оценивал – чувствовал их жизнь интуитивно. Межгосударственная цена на газ – механизм куда более хитрый, чем может показаться на первый взгляд.

Чем выше будет цена на голубое топливо для Украины, тем дороже будет стоить газ и на украинском внутреннем рынке. При этом маржа на контрабандный газ останется прежней, а прибыль от повышения его цены пойдѣт целиком в доход россиянам. Но это только та выгода, которая лежит на поверхности.

Да эти огромные деньги на самом деле лишь кусочек айсберга. Изменение верхнего порога цены на газ приведѣт к огромному перераспределению сил и средств в химическом, нефтяном, металлургическом – да практически во всех без исключения бизнесах. Доходы одних корпораций возрастут, других – упадут. Кому-то это расчистит дорогу к богатству, а кого-то разорит и уничтожит. Если же учесть вытекающие из этих процессов налоговые потоки, обслуживающие экономики государств, то это возможность для России выиграть негласную экономическую войну с Украиной. Задача состоит в том, чтобы не дать сопернику соскочить с газовой трубы и перейти на другие технологии: построить трубопровод или терминал для получения газа из других стран, заняться разработкой собственных газовых месторождений, добычей шахтного или сланцевого газа. Но это уже другая тактика.

Как в шахматах, когда нет времени на обдумывание хода, так и в жизни. Если остановился в поле комбайн из-за отсутствия солярки, нужно срочно найти деньги и заправить его, при этом уже не останется ни времени, ни средств, чтобы заменить этот комбайн более экономичным. Пожар возник – необходимо его тушить, а не устанавливать системы безопасности на будущее. Нужно загнать экономику в состояние цейтнота и ручного тушения пожаров. Безусловно, без специальных методов подкупа и шантажа высшего государственного менеджмента такую задачу решить сложно, но и в этом он мог бы сослужить хорошую службу своим российским партнёрам – или всё-таки хозяевам? Да пусть думают, как хотят... Селиванов увлѣлся. Да, ему бы эти мысли донести на самый-самый верх, а так ведь по пути используют, украдут и

спасибо не скажут. Мысли без воплощения ничего не стоят. Вот и он сколько таких умников использовал. Мало ли что они придумали – идеи не патентуются. А он взял да и сделал. Ему нужен случай для особой встречи наверху. А пока нужно возвращаться к делам обыденным, рутинным и не всегда приятным.

Семёнов сидел за ноутбуком и штудировал биографии новых украинских чиновников, имевших отношение к рынку энергоносителей. Он создавал на каждого папку, в которую заносил информацию из всех возможных источников, даже если она, на первый взгляд, казалась бесполезной. Компьютер пиликнул, оповестив, что в «скайпе» появилась Эльвира. Он связался с ней, и они условились пересечься вечером в привычном месте.

Сергей прихватил с собой шикарный букет роз, дорогие конфеты. Он был страстен, щедр на нежности и комплименты, а ещё рисовал картинки загадочной и красивой будущей жизни в других странах и реалиях. Увлёкшись, он уже и сам был готов поверить своим фантазиям.

Свидание близилось к завершению.

– Ой, как же это я забыл?! – физиономия Семёнова приняла страдальчески-трагическое выражение, как вдруг его осенило, и он с надеждой взглянул на Эльвиру взглядом, исполненным мольбы. – Кстати, может быть, ты меня спасёшь? Можешь мне скинуть цифры потерь на транспортировку по Украине за прошлый месяц? У меня они на рабочем компе остались, а я хотел ночью дома поработать.

– Да без проблем, флешку давай, – Кутовая, быстрым и чётким движением застегнув юбку, уже доставала свой навороченный белый планшетник.

Глава 7. Запах мышеловки

Черепанов подъехал к зданию ГУВД точно в назначенное время. Несмотря на то, что в руководстве этой структуры у него было много знакомых и даже друзей, и чувствовал он себя здесь довольно уверенно, давящая атмосфера стандартной пятиэтажки, с низкими потолками, узкими коридорами, маленькими кабинетами с зарешёченными окнами, видимо, производила гнетущее впечатление на каждого непривычного к данным стенам посетителя.

Самое интересное, что те, кто тут работали, этого практически не замечали – привыкли. Кто не привык – уволился. Черепанов вспомнил своего однокашника Стёпу, ныне заведующего городским моргом. Понятно, что на каждой встрече после нескольких рюмок друзья начинали одолевать Степана вопросами, к которым у него давно выработался иммунитет: про запахи, жмуриков и прочую жуть. Как ни парадоксально, но Степан, несмотря на свою работу, оставался человеком тонкой душевной организации, любил поэзию, нянчился с детьми и пуделем по имени Джульетта, а на вопросы снисходительно улыбался: мол, всё не так, но шутите, раз вам нравится...

Ивану припомнилось посещение полицейского участка во время поездки на стажировку в Штаты. Они увидели стеклянный холл – просторный круглый. Когда полицейские доставляют сюда задержанного, тот обходит по кругу сотрудников разных служб, среди которых и врач, интересующийся его болезнями и особенностями здоровья, и адвокат, и кто-то из общестственности, и специальная кабинка с телефоном – для звонка родне или адвокату. Всё фиксируется на камеры. Кстати, такими камерами, как самолёты чёрными ящиками, оборудованы все полицейские автомобили. Нет, в Америке не всё идеально, но открытость, прозрачность системы создаёт чувство защищённости и справедливости. И полицейские, как правило, корректны, опрятны, дорожат своей работой. Почему у нас нельзя сделать всё по-людски, как принято в мире? Сколько ни задавал Черепанов этот вопрос местному милиционерскому начальству, оно ссылалось на то, что это не в их компетенции – все процедуры утверждают в столице.

«Ничего, вот дорастёт кто-то из наших до министра, я ему об этом напомним», – отметил про себя Иван и вспомнил изречение своего первого наставника на телевидении: «Когда человек попадает во власть, она либо делает его подлюкой, либо выплёвывает. Поэтому у власти всегда негодяи, так пусть будут хотя бы свои, знакомые, негодяи».

– Вы к кому? – стандартно суровый голос дежурного вернул его к реалиям.

– К подполковнику Сердюкову, – Черепанов сунул в отверстие в стеклянной перегородке журналистское удостоверение. Худощавый старлей буквально на секунду поднял уставшие, налитые кровью глаза, контрастирующие с нездоровой бледностью его лица, нажал кнопку и пропустил визитёра через турникет. «Всё-таки не у всех милиционеров физиономии красные», – отметил про себя Черепанов, которому почему-то стало жаль явно нездорового старлея.

Кабинет начальника управления по борьбе с оргпреступностью, одновременно исполняющего обязанности заместителя начальника городской милиции, располагался на втором этаже и окнами выходил во двор. Геннадий Андреевич не любил городской суеты. Особенно его раздражал новомодный ярко-жёлтый свет уличного освещения, нещадно бивший в окна, отчего бледно-жёлтым становился весь кабинет. То ли дело внутренний дворик – тихо, спокойно. Глядя из окна, можно безошибочно определить по наличию автомобилей, кто из подчинённых на месте, а кто в отлучке.

Постучавшись, дабы соблюсти правила приличия, Черепанов приоткрыл дверь.

– Проходи, Иван Сергеевич, располагайся. Есть что тебе рассказать, да и вопросы тоже появились, – произнёс Сердюков, лишь на мгновение оторвав взгляд от документов. – Да, кофе будешь?

– Не откажусь, – Иван подошёл к кофеварке. – Жива ещё, старушка, работает.

– Да, удачный аппаратец попался, несмотря на нагрузки, трудится исправно. Спасибо тебе, незаменимый подарок, особенно выручает по ночам, когда глаза слипаются. Готовь кофеёк себе да и мне заодно.

В дверь постучали.

– Разрешите, товарищ подполковник? – Евстифеев знал, что его ждут, поэтому вопрос задал скорее из соображений приличия.

– Проходи, капитан, докладывай.

Георгий присел и разложил свои конспекты.

– Я проанализировал круг общения подозреваемого. Как мы знаем, вечером семнадцатого Царьков отключил телефон и больше нигде не появлялся. В этот день последний звонок он сделал Полине Куртаковой. Это сотрудница СФТ-банка, работала в юридическом отделе. Птица невысокого полёта, как специалист весьма средненькая, устроилась в банк семь месяцев назад. Что интересно, на следующий день после исчезновения Царькова она пишет заявление об увольнении по собственному желанию и, что также любопытно, сразу же устраивается на работу в банк «Гамма».

– А в чём интерес? – Сердюков озадаченно посмотрел в сторону подчинённого.

– Среди входящих звонков на номер Царькова был и звонок из банка «Гамма». Я ещё раз посетил его маму Ольгу Александровну и попросил припомнить, не имел ли сын проблем с финансовыми учреждениями. Долго раскручивать её не пришлось. Расплакалась и рассказала, что несколько месяцев назад Антон уговорил её подписать у нотариуса бумаги, по которым квартира уходила в залог за кредит. Якобы он эти деньги хотел потратить на покупку отдельного жилья. Она согласилась. И вот незадолго до нашего события стали приходить из банка письма с требованием полного возврата суммы займа либо залога, причём с пометкой: «Повторно». Там в эквиваленте более восьмидесяти тысяч долларов.

– Я закурю? – заметно осунувшийся за последнюю неделю Черепанов начал нервничать, хотя чего ещё он мог ожидать от результатов расследования? Что деньги аккуратно сложены в тумбочке и ждут, пока умные дяденьки их отыщут и вернут на место? Конечно, нет.

Сердюков тоже достал сигареты и молча протянул Ивану зажигалку.

Жора Евстифеев продолжил:

– Я попросил Ольгу Александровну порыться в бумагах, и она нашла кредитный договор с банком «Гамма». Вот его копия, – капитан протянул Сердюкову стандартный бумажный лист, покрытый с обеих сторон печатным текстом. Подполковник, продолжая думать о чём-то своём, передал бумагу Черепанову.

– Проценты прямо какие-то смешные, копеечные, буквально льготный кредит, – Иван внимательно вчитывался в мелкий шрифт договора. – А в чём же выгода банку в таком случае? Ах да... Вот оно: «Банк имеет право истребовать возврат оставшейся к выплате суммы займа досрочно, в любой момент действия кредитного договора, о чём обязан уведомить заёмщика не позже, чем за десять дней до указанного в требовании срока погашения. Проценты по настоящему договору подлежат немедленному погашению вместе с телом кредита. В случае невыполнения заёмщиком указанного пункта настоящего договора штрафные санкции составляют...». Ого! Вот это аппетиты! Нормальный человек в здравом рассудке такую бумагу ни за что не подпишет – это же настоящий капкан!

– Вот именно, Иван Сергеевич! А Куртакова, используя своё влияние на влюблённого в неё Царькова, принимала непосредственное участие в установке этого самого капкана. И ещё одно: судя по всему, квартиру Царьков купил-таки, но оформил не на себя, а на Полину.

– Жора, я тебе поражаюсь, – слово взял подполковник, – сплошная цепь событий, и ты так уверенно всё излагаешь, как будто сам при этом присутствовал, а ведь ты ездил только к нему домой и два дня телефоны перебирал, ты хоть эту Полину в глаза видел?

– Видел, товарищ подполковник. К личному делу прилагается фото. Довольно симпатичная барышня.

– Жора, у тебя слова опережают мысли. Картина рваная – квартиры, договоры, ты выстроил цепь событий?

Евстифеев взял лист бумаги и начал чертить схемы.

– Царьков закладывает квартиру матери и берёт деньги в банке «Гамма». На эти деньги он покупает квартиру для себя и Полины, при этом документы оформляет на неё. Это я узнал в агентстве «Лотос», квартиру Царьков выбирал через них. Сотрудница агентства, которая подыскивала варианты и вела сделку, опознала обоих по фотографиям из личных дел.

– Они там вместе были? – Сердюков дымил не переставая.

– Так точно. Произвели впечатление счастливых влюблённых. Но девушка из агентства отметила, что Полина явно не соответствовала Царькову. Маклерша ещё удивилась, что же такая ухоженная барышня нашла в этом сером простачке? Обычно наоборот – папочка покупает квартирку своей юной пассии, а здесь явный диссонанс.

– Серый, говоришь, простачок? Как же он тогда решился на такой рывок? – Геннадий Андреевич искал всякие доводы, чтобы разрушить стройную теорию Евстифеева. Такой была его обычная манера общения с подчинёнными – всё подвергать сомнению, а если сможешь защитить свою позицию, значит, версия имеет право на жизнь.

– На этот вопрос я смогу ответить позже, а сейчас позвольте продолжить, – Жора опять взялся за ручку и принялся исписывать лист. – Затем банк срочно требует возврата суммы. Денег нет, проценты капают с бешеной скоростью. Очень скоро сумма долга перед банком вместе с процентами и штрафами начнёт превышать стоимость заложенной родительской квартиры. Вот и мотив образовался. Нужно срочно что-то предпринимать.

– И где логика? Какой интерес у этой Полины разорять Царькова в интересах банка? Под залог маминой квартиры можно было взять кредит в любом банке на более гуманных условиях, – Ивану нравилось на равных с сыщиками участвовать в расследовании, будь оно проклято!

– Вы имеете в виду, что Куртакова как-то связана с руководством банка «Гамма», поскольку туда её и на работу приняли? – Евстифеев, как обычно, сохранял полнейшую невозмутимость. – До отработки этой версии мы пока не дошли.

– Бред какой-то у вас получается, господа Шерлоки Холмсы, – подполковник начал заводиться. – По-вашему получается, что Куртакова вступила в сговор с руководством банка «Гамма», чтобы совместно облапошить Царькова, пользуясь его влюблённостью, и выдурить таким образом восемьдесят тысяч долларов – то бишь их с матерью квартиру? И это им удаётся. Тогда причём здесь дерзкое воровство партийных денег из СФТ-банка? Какое-то неестественное совпадение. Это два совершенно разных по почерку и мотивации преступления. А вас послушать, так эта недалёкая пройдоха Полина является резидентом сразу нескольких разведок. Пока не стыкуется здесь что-то.

– Но тем не менее так оно и есть, – Иван, употребивший с утра трёхдневную норму кофе, о чём свидетельствовали нетипичные для него отёки под глазами, пытался бороться за версию, казавшуюся ему хоть и непонятной пока, но вполне реальной. – Может, эта комбинация как-то замыкается на другом уровне.

– Давайте принимать во внимание лишь конкретные факты, иначе вы, писатели, дай вам волю, такого нафантазируете – всем следственным управлением за пятилетку не проверишь, – Сердюкова начинала раздражать активность Ивана, который, однако, продолжал упрямо стоять на своем.

– Если мы выстраиваем собранные Георгием факты в некую заранее продуманную преступную схему и понимаем, что люди работали над ней не один месяц, то лично у меня возникает вопрос: а откуда они могли знать, что в определённое время, ну плюс-минус неделя,

появятся деньги? – Черепанов явно почувствовал и себя в роли проницательного сыщика. – И только ли в деньгах была их цель?

– Иван Сергеевич, повторяю, ты, как всегда, пытаешься копнуть глубже, чем нужно, – перебил его подполковник. – Не усложняй. По-моему, обычная афера, просто подвезло им, подвернулся чемоданчик с крупной суммой. Может, тупо надеялись, что с их возможностями – обладанием информацией и доверием руководства – в банке обязательно представится случай для той или иной аферы.

– Эти деньги предназначались для определённых целей, – Черепанов не мог сдерживать эмоций, усиленных интуитивными догадками. – Только человек, знающий эту систему, мог знать примерную сумму и время ее поступления. А замаскировать под аферу и использовать для реализации своего плана недалёкого водителя проще простого. Давайте посмотрим с другой стороны: нет денег – нет избирательной кампании. Срываюся все сроки, задержка платежей приводит к падению рейтингов. Пусть даже мы и соберём эти средства, но время будет упущено. Такой себе удар в тыл противника. И ещё люди скомпрометированы, а это тоже можно продуктивно использовать. Нет, это не просто афера, это «многоходовка» с далеко идущими планами.

– Иван, не усложняй. По-моему, ты находишься под впечатлением своих субъективных ощущений и обстоятельств. Чтобы проверить версию, пленившую твоё воображение, нам нужно отработать всех, кто знал об этих деньгах – то бишь всю вашу партийную верхушку. А это персоны уже другого уровня. Нужны санкции, согласования с руководством. Но это победы. А теперь представь возможные последствия такой операции, – подполковник спокойно смотрел на Черепанова. – Тебе самому это надо?

– Да, разумеется, там не простые люди. Мне придётся всё объяснять, – Иван вдруг почувствовал себя мышью, остановившейся в полушаге от мышеловки. Он чувствовал, что кто-то невидимый поставил ему шах в партии, принявшей неожиданный оборот. При этом со стороны все его подозрения выглядят, как минимум, нелепо, и вряд ли кто-то примет их всерьёз.

– А хочешь, Иван Сергеевич, я обрисую тебе, что нас ожидает, если мы дёрнем за узанную тобой ниточку? – Сердюков становился всё суровей. – Быстрый выход информации о случившемся и скандал вокруг вашей партии. И твоей фигуры лично. У кого-то обязательно возникнет версия о том, а не вы ли с Портным всё это и организовали? И её нужно будет проверять, а это не один день. И неизвестно, кому передадут дело и какую меру пресечения для вас изберут, – вполне возможно, что содержание под стражей.

– Геннадий Андреевич, теперь я понимаю, что именно на это и делался расчет. В случае такого скандала выборы автоматически провалены. И у моих же боссов возникает вопрос: а кто всех подставил? Поди докажи, что это не я. Единственный выход – успеть распутать этот клубок самостоятельно. Нужно срочно найти Куртакову.

– Обижаете, Иван Сергеевич. Куртакова уже доставлена в отдел для дачи показаний по факту исчезновения Царькова. Заявление его матери у нас имеется, так что расследование перешло в официальное русло. Она у меня в кабинете, – невозмутимый Жора приберёт на закуску факт задержания Полины.

– Что же ты тянул кота за хвост, Георгий? – подполковник Сердюков снял очки и положил их в чехол. – Идём, послушаем, как ты её раскручивать будешь.

Полина Куртакова сидела возле стола следователя Евстифеева, потупив взгляд в пол.

«Да уж, краля не для простачков», – подумал Черепанов. Модные сапожки, голенищем подчёркивающие стройные ноги, откровенно глубокий вырез, приоткрывающий вид на красивую грудь, юбка до колена, холёные руки. Несмотря на то, что Полина работала обычным клерком в банке, её внешний вид был слишком ярким и никак не вписывался в дресс-код сотрудников финансового учреждения.

– Фамилия, имя, отчество, дата рождения, – Жора начал обычную в таких случаях процедуру.

– Куртакова Полина Андреевна, 1983 года рождения. По какому праву меня сюда приволокли?

– Полина Андреевна, вас не приволокли – вы сами согласились дать показания по факту беспорядков, которые произошли вчера вечером в вашем дворе.

– Я уже рассказала вашему сотруднику, что случилось, – Полина изрядно нервничала – это выдавал носовой платок, кончик которого она постоянно накручивала на палец.

– Не волнуйтесь, Полина Андреевна, простые формальности, сейчас вы ещё раз нам всё расскажете, ответите на несколько вопросов и после оформления протокола можете быть свободны, – Жора Евстифеев достал ручку и принялся писать. – Вы пока вспоминайте, как дело было.

– Шла домой, было уже поздно. За мной увязался какой-то тип в синей футболке. Уже во дворе, там, где свет не горит, спросил, какие у меня планы на вечер.

Сердюков и Черепанов слушали Полину с неподдельным интересом.

– А вы? – Жора оторвался от бумаги.

– Я испугалась, пошла быстрее, тот парень – за мной и за локоть меня взял. Говорю, отстань, сейчас кричать буду, а он держит за руку.

– Вы его запомнили?

– Да не особо – он такой невзрачный, и слишком темно было.

– Плохо, это не первое его появление в районе, – Жора вошёл в роль и начал откровенно куражиться, – поступило несколько сигналов о нападении на женщин в вечернее время. Сумки, телефоны не забирает, всегда сначала предлагает познакомиться поближе. Так что вам повезло, Полина Андреевна, можно сказать, наш сотрудник вас от маньяка спас.

– Спасибо большое, конечно, но ведь он его тоже видел, он же и опишет точнее.

– Видите ли, Полина Андреевна, после героического поступка участковый оказался в больнице и временно не может давать показания.

– С ним что-то серьёзное? – Полина прониклась состраданием к судьбе человека, спасшего её от маньяка.

– Георгий, я чего-то не знаю, у нас в строю потери? – Сердюков понял суть плана Жоры и решил ему подыграть.

– Так точно, Геннадий Андреевич, старший лейтенант Зубов. Вчера вечером, уже после работы, случайно оказался во дворе гражданки Куртаковой именно в тот момент, когда неизвестный пытался применить к ней насилие. Очень похоже на нашего серийного насильника.

– Да что вы, Георгий Дмитриевич... – Сердюков слушал Жору и с трудом сдерживал смех. Как далеко зайдет его фантазия?

– Да, Геннадий Андреевич. Пока Зубов принимал меры к задержанию подозреваемого, гражданке Куртаковой удалось скрыться в подъезде, а потом преступник прибег к помощи ножа, вырвался, а Зубов получил повреждения. Мы вчера беспокоить пострадавшую не стали, работали по плану, прочёсывали окрестности. А вот сегодня попросили ее прибыть к нам для составления фоторобота. Наши ребята уже поработали с Полиной Андреевной и фоторобот с её помощью составили, не хотите взглянуть? – Евстифеев протянул подполковнику лист бумаги с чёрно-белым портретом якобы подозреваемого.

Сердюков с первого взгляда узнал в подозреваемом нового сотрудника – лейтенанта Черненко. Подполковник поправил очки и затем поверх линз посмотрел на Жору. Это был взгляд учителя, поймавшего своих школьников за курением в туалете.

– Да, да, Геннадий Андреевич, представляете, все приметы совпадают, очень похоже, что это он и есть, – Жора был серьёзен, как никогда, отчего Сердюкову стало ещё сложнее сдерживать смех.

– Я уверен в том, что наши сотрудники найдут вашего обидчика, – Геннадий Андреевич обнадёжил не на шутку разволновавшуюся Полину.

– Очень бы хотелось, вдруг он вернётся?

– Не вернётся, я вам обещаю, Полина Андреевна, – Евстифеев продолжил своё выступление. – Только я бы не рекомендовал вам в тёмное время суток возвращаться домой одной, было бы неплохо завести себе провожатого. Кстати, у вас есть молодой человек?

– Нет, как-то не сложилось, – голос Полины был тихим, а взгляд от пола она так и не оторвала.

– Расстались или что-то случилось? – Жора внимательно наблюдал за Полиной, выражение его лица изменилось.

– Работаю слишком много, на личную жизнь времени совершенно не остаётся, где же мне жениха найти?

– Вы такая эффектная барышня, неужели вам на работе никто не оказывает знаков внимания?

– В нашем учреждении не принято флиртовать, за это можно и работы лишиться. Банк как-никак.

– Скажите, Полина Андреевна, а что, во всех банках так строго? – Жора готовил почву для наступления.

– Наверное, да. Я не знаю.

– А в СФТ-банке у вас разве не было поклонников? – теперь Евстифеев не сводил с Полины глаз. Она несколько замешкалась и ничего не ответила, только продолжала нервно крутить в руках платок.

– Полина Андреевна, вам знаком некто Антон Царьков? – вопрос был задан вовремя.

– Он был водителем управляющего, но при чём здесь это? – Полина изо всех сил старалась не выдать своего волнения и уловить, к чему клонит этот следователь.

– Полина Андреевна, вас связывало с ним что-нибудь, помимо работы? Может быть, романтические отношения?

– Нет, что вы, ни в коем случае.

– Тогда объясните, по какому поводу он вам звонил вечером семнадцатого числа? Около девятнадцати ноль-ноль, – Жоре теперь нельзя было сбавлять темпа: чем больше быстрых и неожиданных вопросов, тем больше шансов, что она проговорится.

– Я совершенно не помню, может, и звонил. Возможно, какие-либо текущие дела...

– Полина, прежде чем задавать вам вопросы, мы изучили некоторые факты и события. И сейчас я убеждаюсь в том, что вы со мной не искренни. Царьков был вашим поклонником, ведь так? Имел серьёзные намерения. Почему вы скрываете эту связь?

Полина, почувствовав неладное, вопросительно посмотрела на Жору. В её взгляде было нечто жалкое, умоляющее. Вызывающая красота молодой женщины теперь была ей совершенно не на пользу, со стороны казалось, что нет более несчастного создания, чем это, сидящее на стуле в кабинете следователя и постоянно поправляющее юбку.

– Я ничего не скрываю, какое это имеет отношение к происходящему? – Куртакова стала говорить громче, и в голосе её появилась дрожь, выдающая волнение.

– Прямое, гражданка Куртакова. Следствие должно проверить все обстоятельства вашей жизни, чтобы понять, являетесь ли вы случайной жертвой, либо мотивы преступника были направлены лично против вас.

– Этот случай, он совсем случайный, я просто не знаю, я больше не буду ходить одна... – Полина пыталась быть убедительной, от этого стала повторяться и сбиваться.

– А Царьков? Он оказывал вам знаки внимания?

– Нет, что вы такое говорите...

Жора, не поднимая глаз, продолжал заполнять протокол, только теперь уже молча. Пауза затянулась, но Полина тому была рада, это позволило ей собраться с мыслями и обдумать, не сказала ли она чего лишнего.

Евстифеев дописал протокол и подал его Полине:

– Прочтите, внизу своей рукой напишите: «С моих слов записано верно». Имя и отчество полностью, фамилия, подпись разборчиво.

Полина быстро пробежала глазами протокол и с облегчением обнаружила, что он заполнен только по факту нападения на неё. Каллиграфическим женским почерком Куртакова написала требуемую фразу и вопросительно посмотрела на Жору.

– Можете быть свободны, гражданка Куртакова. В случае необходимости мы вас потревожим. Вот ваш пропуск.

Полина быстро взяла заветную бумажку, тихо проворковала «до свидания» и, поправляя на ходу юбку, растворилась за дверью кабинета.

– Возможно, я чего-то недопонимаю в оперативно-следственной работе, Георгий, но зачем было устраивать весь этот цирк, если ты задал ей пару ничего не значащих вопросов и отпустил? – Сердюков решительно встал из-за стола, за которым он всё это время старательно изображал работу над документами.

– И я не понимаю, – Черепанов был удивлён не меньше.

– Товарищ подполковник, в течение часа мы будем знать, кто задействован в этой махинации, все номера телефонов. Кроме того, ребята подстраховали и ждут её на улице. Доведут аккуратно до того места, куда она сейчас направится, и отзвонятся.

– Рисковый ты парень, Георгий. Смотри, чтобы птичка у тебя под носом из гнёздышка не упорхнула. Хотя она не профессионал – это точно. Очень волновалась, очень, руки, речь... возможно, тебе и повезёт. Через час доложишь. Пошли, Иван Сергеевич, посидишь со мной, пока наши орлы будут искать гнездо твоей куропатки. У нас с тобой есть время на пару партеек в шахматы.

* * *

Полина при выходе предъявила дежурному пропуск, лязгнул механизм электрического замка, и девушка быстрым шагом направилась к выходу.

«Какое противное место. Здесь пахнет бедой». Никогда до этого ей не приходилось бывать в подобных учреждениях, и то, что она увидела и прочувствовала, кардинально отличалось от банковских коридоров. «Спокойно, только спокойно... Про Антона я ничего особенного не рассказала. Опросили и отпустили. Следовательно этот – хитрый типчик всё же. При чём тут Антон? Зачем он спрашивал?»

Сердце громко стучало то ли от быстрой ходьбы, то ли от постигших её переживаний. Ключи от белого «пежо», как обычно, нашлись в сумке не сразу. С первого раза не удалось попасть на нужную кнопку. Беспрестанно нажимая пальцем на брелок, Полина дёргала дверь. Со стороны могло показаться, что девушка перепутала машины. Наконец «сигналка» моргнула два раза, и Полина с облегчением плюхнулась на водительское сиденье, бросив сумку рядом. «Чёрт, телефон...». Пришлось снова перетряхнуть сумочку в поисках белого чехла.

– Алло, это я, Сергей Викторович, – от волнения Полина держала телефон возле уха двумя руками.

– Вижу, номер определился. Что там у тебя?

– Меня вызывали к следователю. Совершенно по другому поводу, но вызывали. Антоном тоже интересовались.

– Что ты рассказала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.